

IV.

Приемъ студентовъ. Студенты — иностранцы. Студенты — монахи.
Занятія студентовъ. Экзамены. Студентскія сочиненія; списокъ
печатныхъ ихъ разсужденій и проповѣдей.

На первые два академическіе курса (въ 1814 и въ 1816 годы) въ студенты московской духовной Академіи поступали воспитанники только изъ 9 Семинарій московскаго учебнаго округа: московской (на 1-й курсъ изъ Славяно-греко-латинской Академіи), вифанской, владимірской, вологодской, калужской, кострѣмской, рязанской, тульской, ярославской; но съ началомъ 3-го курса (1818) и до 1842 года, въ которомъ открыта казанская духовная Академія, поступали въ московскую Академію воспитанники и изъ 10-ти Семинарій казанскаго учебнаго округа, именно изъ Семинарій: астраханской, вятской, иркутской, казанской, нижегородской, оренбургской, пензенской, пермской, тамбовской и тобольской. Штатное число было 60 для каждаго курса, а для обоихъ курсовъ—120 человѣкъ; но указомъ св. Синода 1854 года число студентскихъ вакансій сокращено со 120 на 100 человѣкъ.

Обыкновенно въ маѣ или іюнѣ курсоваго года изъ правленія Академіи разсылаемы были въ подвѣдомственные Семинаріи предписанія съ требованіемъ присылки въ Академію отъ одного до пяти изъ лучшихъ воспитанниковъ, окончившихъ богословскій курсъ въ Семинаріяхъ; иногда

(хотя это случалось рѣдко) присылаемы были въ Академію воспитанники Семинарій и изъ философскаго класса. Это имѣло мѣсто преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе поступленія лучшихъ учениковъ чрезъ годъ богословскаго курса въ петербургскую или кievскую Академію, или въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, не оставалось въ богословіи учениковъ, вполне достойныхъ отпуща въ Академію. Въ 1836 году, когда на приемныхъ испытаніяхъ 16 воспитанниковъ Семинарій оказались успѣвшими порядочно и двое-слабо, правленіе Академіи представило высшему начальству слѣдующее: „съ 1830 года въ московскую Академію требуемы были постоянно ученики высшаго отдѣленія Семинарій, кончившіе курсъ. Съ сего времени стало замѣтно, что изъ нѣкоторыхъ Семинарій, особенно многочисленныхъ, присылаются въ Академію не въ такомъ числѣ даровитые воспитанники, въ какомъ изъ тѣхъ же Семинарій присылались прежде. Выника въ причины сей разности, академическое правленіе полагаетъ оныя въ томъ, что въ послѣдніе годы изъ многочисленныхъ Семинарій въ половинѣ богословскаго курса въ немаломъ числѣ требовались ученики въ с.-петербургскую и кievскую Академію, также въ Педагогическій Институтъ и въ Медико-хирургическую Академію, и слѣд. лучшіе воспитанники сихъ Семинарій изъ богословскаго отдѣленія, не совершивъ еще учебнаго курса, поступали въ означенныя заведенія. Дабы не лишить московскую Академію лучшихъ воспитанниковъ, академическое правленіе полагаетъ мнѣніемъ: при требованіи оныхъ поставить въ обязанность семинарскимъ правленіямъ: 1) чтобъ они при выборѣ воспитанниковъ обращали особенное вниманіе на ихъ способности, успѣхи и преимущественно на поведение; 2) чтобъ выборъ сей по преимуществу дѣлалъ изъ оканчивающихъ богословскій курсъ, которые въ продолженіе большаго вре-

мени больше могли и показать себя съ различныхъ сторонъ; а если бы гдѣ между оканчивающими богословскій курсъ не было въ виду по чему либо столь надежныхъ, каковы представились бы изъ учениковъ, оканчивающихъ фило-софскій курсъ, то въ семъ случаѣ дѣлали бы выборъ и изъ сихъ послѣднихъ съ такимъ однако ограниченіемъ, чтобъ ихъ было не больше половины противъ числа требованія“ *).

По утвержденіи сего мѣня комиссіею духовныхъ учи-лищъ, сдѣланы сообразныя съ симъ предписанія семинар-скимъ правленіямъ. ~~Своихъ~~ присылаемыхъ изъ Семинарій студентовъ по требованію академическаго правленія, во всѣ курсы являлись съ желаніемъ учиться въ Академіи волонтеры, изъ которыхъ нѣкоторые оказывались нерѣдко лучшими присылаемыхъ по требованію. Въ числѣ волон-теровъ не мало было учителей духовныхъ училищъ, вдо-выхъ діаконъ и священниковъ и монаховъ. Кромѣ вос-питанниковъ Семинарій московскаго и казанскаго округовъ, въ Академію съ сороковыхъ годовъ стали поступать сту-денты Семинарій с.-петербургскаго и кievскаго округовъ. Между студентами являются Бѣлоруссы, Малороссы, Гру-зины, Осетины. По воссоединеніи униатовъ видимъ въ Ака-деміи воспитанниковъ греко-унитскихъ Семинарій, кото-рымъ при приѣмѣ оказываемо было особенное снисхожденіе. Въ первый разъ четверо изъ бывшихъ униатовъ явились на экзаменъ въ 1840 году. Когда митрополиту Филарету сдѣ-лано было представленіе о результатѣ приемныхъ испыта-ній, въ своей резолюціи онъ между прочимъ написалъ: „при-сланныхъ изъ Семинарій литовской и полоцкой, хотя и оказавшихся слабо приготовленными, по снисхожденію и любви къ симъ чадамъ воссоединенныхъ церквей, принять въ число студентовъ и на содержаніе Академіи, а началь-

*) Дѣл. акад. правл. 1836 № 105.

ству донести, какъ они оказались и на какомъ уваженіи приняты. Симъ четверемъ студентамъ объявить, что въ при-нятіи ихъ дѣйствовала не одна справедливость, но и снисхожденіе, дабы они потщились оправдать настоящее рас-положеніе начальства. Не сомнѣваюсь, что о. ректоръ и прочіе члены Академіи своимъ благорасположеніемъ и по-печеніемъ вскорѣ уничтожатъ для нихъ трудность незна-комаго мѣста и будутъ постоянно подкрѣплять и поощрять ихъ на пути усовершенія“ *).

Изъ иностранцевъ съ пятидесятихъ годовъ стали обучаться въ Академіи Греки, Сирійцы, Болгары, Сербы, Черногорцы. Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ январѣ 1857 года министромъ иностранныхъ дѣлъ оберъ-прокурору св. Синода, постановлено, чтобы духовно-учебныя заведенія поступающимъ въ оныя иностранцамъ оказывали ~~возмож-~~ное снисхожденіе какъ на приемныхъ и выпускныхъ экза-менахъ, такъ и во время прохожденія наукъ, не стѣняясь требованіями уставовъ тѣхъ заведеній. Изъ Грековъ въ мартѣ 1858 года поступилъ въ Академію служившій офи-церомъ въ греческомъ легионѣ Императора Николая Гера-симъ Лицардонуло, получившій образованіе въ лицей на островѣ Сиросѣ, но онъ не долго слушалъ уроки въ Акаде-міи; въ августѣ того же года по болѣзни вслѣдствіе проше-нія былъ уволенъ. Съ 1868 года до іюля 1870 года слу-2шалъ въ Академіи полный курсъ богословскихъ наукъ греческій уроженецъ, бывший воспитанникъ аѳинскаго Университета, Дмитрій Менагіасъ, который по окончаніи курса получилъ отъ Академіи степень кандидата и кромѣ того отъ берлинскаго Университета, гдѣ въ 1871 году слушалъ лекціи, — дипломъ на степень доктора филологіи. Въ одно время съ нимъ поступили въ студенты Академіи

*) Журнал. акад. правл. 1840 сент. 6.

три греческихъ іеродіакона, одинъ изъ константинопольскихъ Грековъ, Германъ Апостолидисъ, и двое изъ аѳинскихъ: Проконій Икономидисъ и Θεоклитъ Τριάνταφυλλιδисъ. Они окончили курсъ въ 1872 году со степенью кандидата. Первый изъ нихъ, прослуживъ два года въ литовской Семинаріи, перешелъ на родину и въ настоящее время уже—епископъ Тримишунтскій. Проконій жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, потомъ путешествовалъ за границу, а теперь пребываетъ въ Аѳинахъ. Θεоклитъ состоитъ на службѣ въ Россіи, въ одной изъ Семинарій. Изъ Сирийцевъ слушалъ уроки въ Академіи съ 1852 до 1856 года дамаскій уроженецъ Спиридонъ Абудъ. Изъ Болгаръ окончили курсъ въ Академіи: 1) въ 1850 году іеромонахъ Пароеній Отеневъ, сынъ купца Василія изъ Охриды. Онъ получилъ степень кандидата и въ настоящее время занимаетъ мѣсто митрополита Чинавскаго. 2) Въ 1852 году поступилъ въ Академію и въ 1854 окончилъ курсъ со степенью магистра Болгаринъ, іеромонахъ Аноимъ. Онъ былъ первымъ ученикомъ перваго курса халкинскаго училища близъ Константинополя, потомъ проходилъ должность іерокирикса при смирнскомъ митрополитѣ, потомъ былъ экзархомъ болгарскимъ. 3) Въ 1866 году окончилъ курсъ со степенью кандидата іеромонахъ Евстаѳій Зографскій, въ настоящее время митрополитъ Целагонійскій. Въ ноябрѣ 1856 года приняты въ Академію два Болгарина: Илія Христовичъ и Василій Чолаковъ, но въ августѣ 1857 года подали просьбу объ увольненіи; на представленіи о семъ митрополитъ написалъ: „согласенъ; жаль, что не совершили поприща“. Изъ сербскихъ уроженцевъ учились въ Академіи и окончили курсъ со степенью кандидата: въ 1852 году Василій Николаевичъ, въ 1854 году Николай Новаковичъ, въ 1868 г. Свѣтозаръ Никитичъ и діакопъ Живоинъ Іовичичъ и со степенью дѣйствительнаго студента

діаконъ Александръ Георгіевичъ. Въ 1868 г. поступилъ въ Академію и въ 1872 году окончилъ курсъ со степенью кандидата сербскій уроженецъ Павелъ Бѣричъ. Въ то же время слушали уроки въ Академіи: Петко Радимировъ и Лазаръ Богаевичъ, но оставили Академію, не окончивъ курса. Изъ Черногорцевъ поступилъ въ Академію въ 1860 году Филиппъ Ябучанинъ, но въ слѣдующемъ году по прошенію уволенъ. Въ 1870 году поступилъ въ студенты Академіи Черногорецъ Дмитрій Анджусъ и по окончаніи курса получилъ степень кандидата.

До 1850 года испытаніе на пріемныхъ экзаменахъ ограничивалось вопросами только изъ наукъ богословскихъ и философскихъ и двумя экспромптами, одинъ на латинскомъ, другой на русскомъ языкѣ; а съ сего времени стали подвергать испытанію по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса. Кромѣ устныхъ испытаній желавшіе поступить въ Академію должны были написать три сочиненія на заданныя темы по предметамъ наукъ богословскихъ, философскихъ и историческихъ. Срокъ для написанія каждаго сочиненія назначался отъ 4 до 5 часовъ. Если изъ числа воспитанниковъ, посланныхъ отъ Семинарій, нѣкоторые оказывались слабыми въ знаніи какого-либо предмета, правленіе Академіи препровождало въ семинарское правленіе замѣчаніе, въ которомъ поставлялось на видъ правленію Семинарій, чтобъ оно озаботилось исправленіемъ замѣченнаго недостатка. Но случалось семинарскимъ правленіямъ получать отъ Академіи и одобрительные отзывы за вполне удовлетворительное знаніе учениками предметовъ семинарскаго курса, оказанное ими на пріемныхъ испытаніяхъ. Студенты, оказавшіеся слабыми на испытаніи, возвращаемы были въ епархію, изъ которой прибыли; тѣ, которые по отвѣтамъ рекомендованы порядочными, или должны были содержаться на собственномъ иждивеніи

по принятіи въ Академію, или имъ давалось право пользоваться половиннымъ казеннымъ содержаніемъ, т.-е. пищею и помѣщеніемъ въ Академіи впредь до усмотрѣнія ихъ успѣховъ на ближайшемъ полугодиномъ испытаніи.

Пріемные экзамены до 1850 года вообще были не строги, и не всякій курсъ случалось, чтобъ державшіе экзаменъ возвращаемы были обратно. Вниманіе экзаменующихъ обращено было преимущественно на экспромпты и по нимъ составлялось сужденіе о способности экзаменуемаго. Въ 1834 году между прочимъ держалъ экзаменъ студентъ вятской Семинаріи Николай Б. Въ Латинскомъ экспромптѣ его Ѳ. А. Голубинскій встрѣтилъ выраженіе: *splen dicit Apostolus*. Послѣ долгихъ соображеній не могши объяснить себѣ значенія этого выраженія, профессоръ пригласилъ автора и потребовалъ отъ него объясненія непонятной фразы. Тотъ сказалъ, что это выраженіе значитъ: *тоже* говоритъ Апостолъ. Какимъ же это образомъ? спросилъ профессоръ. Студентъ объяснилъ, что въ латинской грамматикѣ Амвросія въ правилахъ о родахъ существительныхъ сказано: *lien селезенка, splen тоже*. Такое разрѣшеніе недоумѣнія имѣло слѣдствіемъ то, что Б. не былъ принятъ въ Академію. Онъ поступилъ въ число братства лавры, получилъ вскорѣ санъ іеромонаха и долгое время служилъ тамъ, сохранивъ за собою до конца жизни проименованіе: *splen*.

Въ 1850 году на пріемныхъ испытаніяхъ 19 воспитанниковъ Семинарій оказались недостаточно подготовленными къ продолженію ученія въ Академіи, и когда донесено было оберъ-прокурору св. Синода о составѣ новаго курса, онъ предписалъ: „означенныхъ 19 воспитанниковъ, оказавшихъ на пріемныхъ испытаніяхъ недостаточные успѣхи въ значительномъ числѣ предметовъ семинарскаго ученія, принять въ Академію впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія успѣховъ ихъ въ наукахъ съ тѣмъ, чтобы послѣ первыхъ

полугодичныхъ испытаній донести ему, оберъ-прокурору, кого изъ сихъ воспитанниковъ академическое правленіе найдетъ благонадежнымъ къ прохожденію академическаго курса, и кто по неспособности къ сему долженъ быть обращенъ въ епархіальное вѣдомство“. Въмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-прокуроръ „вмѣнилъ въ обязанность академическому правленію представить заключеніе свое о томъ, какія бы полагало оно принять мѣры для предупрежденія по возможности высылки въ Академію воспитанниковъ, недостаточно подготовленныхъ къ прохожденію академическаго курса“. Относительно послѣдняго требованія академическое правленіе представило слѣдующія соображенія: „1) вмѣнить въ обязанность начальствамъ Семинарій заботиться, чтобы въ Академію высылаемы были лучшіе воспитанники, и тѣхъ изъ нихъ, которые по какимъ-либо недовольно уважительнымъ причинамъ уклоняются отъ поступленія въ Академію (что бываетъ не рѣдко), располагать къ продолженію ученія въ ней зависящими отъ нихъ мѣрами; 2) поставить также въ обязанность, чтобы семинарскія правленія избирали воспитанниковъ для поступленія въ Академію не по полученіи уже о семъ распоряженія высшаго начальства, но за годъ, или по крайней мѣрѣ за половину года до окончанія учебнаго курса, дабы и воспитанники, зная уже напередъ свое назначеніе, соображали съ онымъ свои занятія, и семинарскія начальства преимущественно занимали ихъ тѣмъ, что особенно нужно знать воспитаннику Академіи; 3) по предварительномъ избраніи воспитанниковъ для поступленія въ Академію, съ соблюденіемъ существующихъ на сей предметъ правилъ, обращать преимущественное вниманіе на успѣхи ихъ въ важнѣйшихъ предметахъ духовнаго образованія и такихъ, для усвоенія которыхъ требуется, кромѣ памяти, основательность, твердость и ясность разсужденія, а посему имѣть особенно въ виду въ избираемыхъ воспи-

танникахъ способность мыслить и писать, предпочитая воспитанниковъ, отличающихся такими познаніями, тѣмъ, которые имѣютъ преимущество предъ ними по равномерной удовлетворительности успѣховъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго образованія; 4) сообразно съ симъ и при поступленіи воспитанниковъ въ Академію испытывать ихъ преимущественно въ главныхъ предметахъ духовнаго образованія и сочиненіяхъ, какъ и дѣлалось сіе въ московской духовной Академіи до настоящаго учебнаго курса: ибо исмытаніе во всѣхъ предметахъ семинарскаго ученія представляетъ то неудобство, что воспитанники Семинарій, окончивъ изученіе нѣкоторыхъ предметовъ за 4 или за 3 года до окончанія семинарскаго курса, не имѣютъ довольно времени для возобновленія въ памяти выученнаго прежде, и притомъ въ дѣтскомъ возрастѣ, а между тѣмъ поелику какъ удовлетворительныя свѣдѣнія ихъ по нѣкоторымъ изъ сихъ предметовъ не свидѣтельствуютъ о способности ихъ, такъ неудовлетворительныя — о неспособности къ продолженію ученія въ Академіи, то испытаніе въ такихъ предметахъ предоставить академическому правленію въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности“. Когда это мнѣніе предварительно представлено было на благоусмотрѣніе митрополита Филарета, онъ сдѣлалъ такіа замѣчанія: „I. назначеніе въ Академію за годъ или за полгода до окончанія семинарскаго курса удобнымъ признать не могу по слѣдующимъ причинамъ: 1) за годъ семинарское правленіе не знаетъ, сколько потребуется учениковъ въ Академію, слѣдственно не знаетъ, сколько назначить; 2) какъ академическое правленіе замѣчаетъ, что есть достойные ученики, не желающіе поступить въ Академію: то преждевременное назначеніе таковыхъ можетъ быть поводомъ не къ поощренію, но къ намѣренному охлажденію; 3) назначеніе нѣкоторыхъ за годъ до окончанія курса въ Академію отни-

маетъ часть поощренія у прочихъ; 4) въ теченіе года могутъ быть съ учениками такіа перемѣны, что семинарское правленіе можетъ раскаться въ раннемъ назначеніи, и оно окажется напраснымъ. II. Соглашаюсь, что при испытаніяхъ для принятія въ Академію особенно нужно обращать вниманіе на успѣхи въ важнѣйшихъ предметахъ ученія и на силу умственныхъ способностей, и что не должно почитать сильнымъ препятствіемъ сему избранію, если бы память студента не сохранила какого-нибудь мало-важнаго познанія, преподаваемаго ему въ низшемъ отдѣленіи Семинаріи“ *). Въ 1852 году по тому поводу, что нѣкоторые изъ назначенныхъ къ поступленію въ Академію изъ тульской и калужской Семинарій оказались неудовлетворившими требованіямъ испытанія и были возвращены, оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи академическому правленію написалъ: „семинарскимъ правленіямъ тульскому и калужскому, назначившимъ въ московскую Академію воспитанниковъ, оказавшихся неприготовленными къ прохожденію академическаго курса, поставить сіе на видъ, съ объявленіемъ, что въ случаѣ назначенія впредь подобныхъ же воспитанниковъ, они будутъ возвращаемы на счетъ членовъ семинарскаго правленія“ **). Митрополитъ Филаретъ не менѣе строго смотрѣлъ на значеніе пріемныхъ испытаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгость растворялъ милостію, особенно по отношенію къ лицамъ, имѣвшимъ священный санъ. Въ 1866 году на пріемные экзамены явились 32 воспитанника, присланные изъ Семинарій, 36 волонтеровъ также изъ воспитанниковъ Семинарій, и сверхъ того 2 учителя духовныхъ училищъ, три священника, одинъ іеромонахъ, одинъ діаконъ и два студента московскаго

*) Дѣла 1851 г. журн. 24 февр. и 24 марта.

**) Журн. 1852 ноябр. 13.

Университета. Конференція Академіи постановила принять на полное казенное содержаніе 46 человѣкъ, получившихъ на испытаніи отмітки очень хорошія и хорошія. Изъ 22 человѣкъ, оказавшихся успѣвшими довольно хорошо, постановлено 15-ть принять на половинное содержаніе, т.-е. давать имъ помѣщеніе и столъ, впредь до усмотрѣнія ихъ успѣховъ, а одежду имѣть имъ свою; а семерымъ и двумъ студентамъ Университета дозволить обучаться на собственномъ содержаніи. Остальнымъ семи, въ томъ числѣ двумъ священникамъ и одному іеромонаху, отказать въ принятіи въ Академію. Но четверо изъ сихъ послѣднихъ (въ томъ числѣ одинъ священникъ и іеромонахъ) изъявили желаніе быть вольными слушателями со взносомъ за ихъ содержаніе потребной суммы. Когда мнѣніе конференціи представлено было на разсмотрѣніе митрополита, онъ далъ резолюцію: „избытокъ снисхожденія при испытаніяхъ къ неудовлетворительно успѣвшимъ въ наукахъ не полезенъ для учебныхъ заведеній. Какъ строго-справедливый судъ по испытаніямъ возвышаетъ тонъ учебной ревности: такъ судъ послабительный понижаетъ. Три степени успѣховъ, одна ниже другой, допущены въ Академіи. Если еще низшая четвертая войдетъ вмѣстѣ съ первыми, различаясь только наименованіемъ вольнаго слушателя, трудно помирить сіи несообразности. Полагаю слѣдующее: 1) А. М. въ допущеніи до слушанія уроковъ отказать. 2) Въ іеромонахъ и священникъ уважить званіе священнослужителя и допустить ихъ вольными слушателями до слѣдующаго испытанія, при которомъ вновь разсмотрѣть вопросъ: можно ли удержать ихъ долѣе въ семъ положеніи. 3) На все прочее соглашайся“ *). Между тѣмъ шестеро студентовъ изъ числа тѣхъ, которымъ дозволено обучаться въ Академіи на собствен-

*) Журн. акад. правл. 1866 г., сент. 10.

номъ коштѣ, вошли къ митрополиту прошеніемъ, въ которомъ просили, по неимѣнію у нихъ средствъ къ содержанію, оказать имъ помощь отъ троицкой лавры. Митрополитъ приказалъ ближайшему начальству лавры дать имъ помѣщеніе въ монастырѣ и содержать ихъ на счетъ лавры. Это не первый и не единственный примѣръ благотворительныхъ отношеній обители преп. Сергія къ студентамъ Академіи. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ два студента (XIV курса), первоначально поддерживаемые пособіемъ отъ лавры и жившіе въ ея стѣнахъ, въ послѣдствіи поступили на казенное содержаніе отъ Академіи и окончили курсъ кандидатами. Потомъ въ 1862 году 8 студентовъ, принятые въ Академію въ качествѣ своекоштныхъ, получили вслѣдствіе прошенія, обращеннаго къ митрополиту, помѣщеніе и содержаніе отъ лавры *). А съ недавняго времени, именно съ 1873 года, лавра постановила давать у себя ежегодно особое помѣщеніе, столъ и довольно значительное денежное пособіе 16 студентамъ Академіи, не могшимъ пользоваться казеннымъ академическимъ содержаніемъ **). Такая благотворительная дѣятельность сергіевой лавры, имѣющая основаніе въ примѣрѣ ея основателя, достойна занять видное мѣсто въ лѣтописяхъ Академіи и даже въ исторіи русской церкви.

Главный и почти исключительный элементъ студентскаго общества составляли всегда воспитанники изъ духовнаго званія: лицъ изъ другихъ сословій въ рѣдкіе курсы можно было встрѣтить.

Любопытно взглянуть на разнородное общество новоопредѣлившихъ студентовъ, собравшихся въ одно мѣсто образованія съ разныхъ концовъ Россіи, жаждою просвѣщенія

*) Дѣла правленія 1862 г. № 57.

**) См. Московск. Вѣдомости 1873 г. 2 ноября.

влекомыхъ въ Академію за тысячи верстъ. Какая смѣсь лицъ и нарѣчій! Здѣсь выходецъ изъ отдаленныхъ странъ Сибири сталкивается съ выходцемъ изъ Литвы и Бѣлоруссіи, Кіевлянинъ и житель Тифлиса сходятся съ Архангелогородцемъ. Разнородное общество семинаристовъ дополняютъ монахи, священники, діаконы. Но взаимная недовѣрчивость, неизбежная на первыхъ порахъ въ такомъ смѣшанномъ обществѣ, скоро уступаетъ мѣсто болѣе и болѣе тѣсному сближенію товарищей, и рѣзкія черты мѣстнаго быта понемногу сглаживаются подъ вліяніемъ однородныхъ занятій наукою, одинаковаго устройства образа жизни. Общество крѣпко сплочивается и одушевляется духомъ искренней товарищеской любви, въ которой исчезаютъ разнохарактерные элементы мѣстности. Одинъ изъ воспитанниковъ 2-го академическаго курса пишетъ въ своихъ запискахъ: „собранные изъ разныхъ губерній, мы, въ теченіе года, успѣли познакомиться и вызнать другъ друга хорошо. Пословица говоритъ: что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Такъ и мнѣ казалось, что всѣ моего времени провинціалы въ Академіи чѣмъ нибудь своенароднымъ отличались, какъ отъ насъ Москвичей, такъ и между собою. Изъ наблюденій своихъ надъ товарищами, а частью и надъ прочими студентами, старшими и младшими насъ курсомъ, я вотъ какое вывелъ заключеніе: Туляки — умны, но жестки и коварны; Калужане — тихихъ способностей, мягкосердечны и добры; Рязанцы — даровиты и рьяны, но духа словно республиканскаго; Владимірцы — ума гибкаго, но какъ-то слабодушны и вялы; Ярославцы — ровнаго ума, вкрадчивы и льстивы; Костромичи — сильныхъ способностей, великодушны, но хитры; Вологжане — способностей мягкихъ и простодушны. О Москвичахъ не говорю: самъ Москвичъ и Москвичи есть всякіе. А если надобно уже что сказать въ отличительную ихъ чер-

ту, то скажу: Москвичи остры, плутоваты и насмѣшники (*). Любопытно, что имѣя въ виду цивилизовать новопоступавшихъ провинціальныхъ студентовъ, начальство Академіи размѣшало студентовъ большею частью такъ, чтобъ въ каждой комнатѣ студентческой жило по одному или по два студента изъ уроженцевъ московскихъ. Эта мѣра оказывала полезное дѣйствіе и способствовала уничтоженію или по крайней мѣрѣ ослабленію провинціализма въ произношеніи и умѣнью прилично держать себя въ обществѣ. Любопытно также, что начальство Академіи иногда подъ вліяніемъ пуризма, а иногда по неизвѣстнымъ побужденіямъ измѣняло фамиліи нѣкоторыхъ изъ новопоступавшихъ студентовъ, если эти фамиліи казались почему нибудь неблаговидными. Напр. изъ поступившихъ въ Академію въ 1818 году Василій Телятьевъ переименованъ въ Нордова; въ 1822 году Василій Дагаевъ — въ Сахарова, Андрей Бехтѣевъ — въ Разумовскаго, Иванъ Пулькинъ — въ Синайскаго. Замѣтимъ, что та же фамилія, Пулькинъ, появилась опять въ Академіи въ 1842 году, но она оставлена безъ перемѣны. Въ 1824 году студентъ Александръ Неклюдовъ получилъ фамилію: Николаевскій. Въ 1836 году поступилъ въ студенты Павелъ Пьянковъ: ему перемѣнили фамилію и прозвали Собріевскимъ (отъ sobrius, трезвый). Это обстоятельство въ послѣдствіи надѣлало много хлопотъ Собріевскому, когда онъ уже окончилъ курсъ. Послѣ смерти отца ему пришлось получать наслѣдство. По документамъ пермской губерніи, откуда онъ былъ родомъ, онъ значился Пьянковымъ, — и Собріевскому отказали въ правахъ на полученіе наслѣдства. Ему стоило немалыхъ трудовъ и издержекъ, чтобы возвратить себѣ родовую фамилію. Св. Си-

*) Измайлова — Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. М. 1860, стр. 145, 146.

нодь утвердилъ за нимъ прежнюю фамилію уже въ сентябрѣ 1841 года *). Въ 1840 году въ число студентовъ приняты Любонниковъ и Бубаловичъ; первому вслѣдствіе его прошенія перемѣнили фамилію въ 1842 году и прозвали Варницкимъ (отъ Варницкаго монастыря—родины преп. Сергія), а другому дали фамилію: Правдинъ. Въ 1842 году принять въ число студентовъ изъ владимірской Семинаріи Дмитрій Халуйскій, носившій фамилію по мѣсту рожденія. Фамилія его измѣнена по его прошенію, и онъ сталъ называться Правдинъ. Бывали такіе случаи, что митрополитъ Филаретъ измѣнялъ монашеское имя студента, которое обыкновенно придумывалъ ректоръ Академіи, если такое имя ему не нравилось. Напр. въ 1837 году постриженъ Петръ Гонорскій и нареченъ Павлиномъ; митрополитъ приказалъ переименовать его въ Поликарпа.

Отдѣльный міръ въ маломъ мірѣ студентовъ составляли монахи, которымъ назначались особое помѣщеніе и трапеза. Большая часть изъ такихъ студентовъ вслѣдствіе самоуглубленія и религіозной настроенности, усиливаемой богоговніемъ къ великому наставнику монаховъ, преп. Сергію, еще во время ученія давали обѣтъ иночества и принимали постриженіе; въ нѣкоторыхъ сознание высокости иноческой жизни такъ бывало сильно, что студентъ оставлялъ науку и уходилъ въ пустыню: такъ въ 1824 году студентъ Захарія Петровъ ради подвиговъ иночества удалился въ саровскую пустынь. Но были и такіе примѣры, что студентъ, послѣ подачи прошенія о постриженіи его въ монашество и послѣ даже утвержденія этого прошенія св. Синодомъ, приходилъ въ размышленіе, одумывался и отказывался отъ своего намѣренія: такъ было съ однимъ студентомъ въ курсъ 1858 года; получивъ разрѣшеніе на

*) Дѣла правл. 1839. № 66. 1840. № 82.

принятіе монашества, студентъ по окончаніи курса поступилъ на службу въ одну изъ Семинарій и вступилъ въ брачную жизнь; но это случилось, конечно, не безъ разрѣшенія митрополита, который на представленіи правленія далъ резолюцію: „данное разрѣшеніе оставить безъ исполненія“ *). Любовь къ жизни иноческой въ студентахъ старались воспитывать начальствующие—монахи; они поощряли молодыхъ людей ко вступленію въ монашество разнаго рода лестными обѣщаніями, иногда дѣйствовали продолжительными убѣжденіями и увлекали студента изъ тѣснаго и коловратнаго міра въ лоно жизни уединенной, не всегда строго справляясь съ положенными закономъ лѣтами для принятія монашества, за что подвергались замѣчаніямъ отъ высшаго начальства. Такой случай былъ въ 1840 году: одинъ изъ студентовъ, проникнутый искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ въ высотѣ иноческаго званія, подалъ прошеніе о постриженіи. Но на представленіи о томъ митрополита св. Синодъ сдѣлалъ замѣчаніе, что этотъ студентъ не достигъ еще положенныхъ Высочайше утвержденными въ 29 день мая 1832 года правилами для постриженія лѣтъ, и потому св. Синодъ нынѣ разрѣшенія на постриженіе въ монашество дать не можетъ. Получивъ такой указъ, митрополитъ далъ резолюцію: „очень жаль, что академическое правленіе не приняло должнаго труда сообразить представленіе съ закономъ и сдѣлало непріятность себѣ, мнѣ и просителю, заслуживающему покровительство и попеченіе. Неужели оно думаетъ, что моя должность повѣрять цифры и буквы, и что мое время не нужно для занятій нѣсколько болѣе важныхъ? Дознать тщательно лѣта просителя и мѣсяцы лѣтъ: ибо были въ прошедшемъ году показаны онъ 25 лѣтъ, имѣя 23 года и

*) Журн. 1861 г. марта 23.

11 мѣсяцевъ, то до 25 лѣтъ теперь не далеко“ *). Изъ этого мнѣнія митрополита, гдѣ онъ говоритъ о необходимости оказывать покровительство студенту, возжелавшему иночества, равно какъ изъ многихъ другихъ его распоряженій, относящихся до монашества студентовъ, видно, съ какою любовію митрополитъ Филаретъ, крѣпко привязанный къ иночеству и самъ образецъ истиннаго монаха, смотрѣлъ на молодаго человѣка, отрекавшагося отъ міра: почти всякому студенту, постригавшемуся въ монахи, онъ дарилъ что нибудь изъ своей собственной одежды, напр. рясу, подрясникъ, поясъ, четки и т. п. А если въ монашество поступалъ бакалавръ Академіи, въ такомъ случаѣ щедроты отъ митрополита изливались еще сильнѣе; такъ когда полученъ синодскій указъ о постриженіи бакалавра Петра Пятницкаго (въ монашествѣ Евлампій), Филаретъ написалъ на указѣ: „для постригаемаго препровождается въ благословеніе параманъ, клобукъ и поясъ. Въ пособіе на устроеніе прочей одежды, о. ректоръ объявить лаврскому казначею, чтобы выдалъ изъ моихъ денегъ сто рублей“ **). Но кромѣ принимавшихъ монашество по силѣ собственнаго убѣжденія, съ вѣрою въ высоту иноческаго званія, бывали и такіе, которые избирали монашество, имѣя въ виду помогать въ послѣдствіи стѣсненной бѣдностію семьѣ своей и роднымъ. Другіе видѣли въ монашествѣ лучшій сравнительно съ жизнію супружескою путь къ продолженію и расширенію ученыхъ занятій. Но были и такіе, которые смотрѣли на монашество, какъ на видную служебную карьеру и, надѣвая клобукъ, мечтали уже о будущемъ архіерействѣ. Были и такіе, которые путемъ монашества хотѣли достигнуть высшаго мѣста въ разрядномъ спискѣ студентовъ—и несомнѣнно достигали. Наконецъ были и

*) Журн. 1840 г. окт. 18.

**) Чтен. въ общ. истор. и древн. росс. 1876 г. кн. 3. Смѣсь, стр. 33.

такіе, которые, попавшись въ какомъ либо проступкѣ, изъ опасенія увольненія изъ Академіи, или дурной рекомендаціи въ спискѣ поведенія, подавали прошеніе о постриженіи въ монашество—и проступокъ легко прощался, прикрытый рясою монаха. Вслѣдствіе такихъ или иныхъ побужденій число студентовъ Академіи, принимавшихъ монашество, было довольно значительно, такъ что иногда они составляли болѣе одной четвертой части курса, какъ это было напр. въ 1828 году, когда въ числѣ окончившихъ курсъ 37 студентовъ было 10 монаховъ, о чемъ нарочито замѣтилъ митрополитъ въ донесеніи своемъ комиссіи духовныхъ училищъ: „нынѣ окончившійся курсъ не скуденъ монашествующими, въ коихъ при добрыхъ успѣхахъ примѣчается сообразное званію расположеніе духа. Иеродіаконъ Агапиль (Введенскій) изъявлялъ желаніе быть уволенъ отъ обязанности служить при училищѣ, дабы посвятить себя исключительно монашеской жизни; впрочемъ по долгу послушанія предалъ себя въ распоряженіе начальства. Поколику позволять обстоятельства, по моему мнѣнію, не бесполезно было бы новоначальнымъ ученымъ монахамъ предоставлять нѣкоторое время и способы исключительно на то, чтобъ испытать и утвердить себя въ правилахъ и опытахъ монашеской жизни подъ руководствомъ добраго старца въ добромъ общежитіи“. Съ теченіемъ времени стремленіе къ монашеству постепенно ослабѣвало въ мірѣ студентескомъ и ослабѣло наконецъ до того, что изъ цѣлаго курса не выходило иногда ни одного монаха. Такъ было въ курсъ 1852 года *). Это обстоятельство, случившееся въ первый разъ во все время существованія Академіи, послужило поводомъ къ нареканію на ближайшее начальство

*) Двое воспитанниковъ этого курса приняли монашество уже послѣ, когда состояли на службѣ.

Академіи. Въ послѣднее время стали повторяться такія явленія, что поступавшіе въ число студентовъ вдовы священники и діаконы кончали курсъ, не принявъ монашества, чего прежде не допускалось. Съ недавняго времени видимъ и такіе примѣры, что учились въ Академіи въ качествѣ студентовъ священники и діаконы, имѣвшіе женъ.

Учебныя занятія студентовъ главнымъ образомъ сосредоточивались на слушаніи лекцій, которыя преподавались утромъ съ 8 до 12 часовъ и послѣ обѣда съ 2 до 4 часовъ. По росписанію, присланному изъ комиссіи духовныхъ училищъ въ сентябрѣ 1814 года, учебные часы распредѣлялись такимъ образомъ:

Въ богосл. отдѣл.	Въ философ. отдѣл.	понедѣл.	вторн.	сред.	четвер.	пятн.	суб.
Богословіе.....	Философія.....	9 10	9 10	9 10	9 10	9 10	— —
Толкованіе св. Писанія.....		— —	— —	— —	— —	— —	9 10
Церковная исторія.....	Всеобщая исторія.....	11 12	— —	11 12	— —	11 12	— —
Церковная словесность.....	Всеобщая исторія, математика и физика..	— —	11 12	— —	11 12	— —	11 12
Греческій языкъ.....		— —	3 4	— —	— —	— —	3 4
Языки: еврейскій, нѣмецкій и французскій.....		3 4	— —	— —	— —	3 4	— —
Повторенія и отчеты въ собствен. упражненіяхъ студ. по богословію.	Повторенія по всеобщей исторіи, математикѣ и физикѣ.	— —	— —	3 4	— —	— —	— —

Такой порядокъ въ классическихъ занятіяхъ студентовъ оставался почти безъ измѣненія до 1844 года, когда по случаю введенія новыхъ учебныхъ предметовъ потребовалось умноженіе классовъ и измѣненіе учебныхъ часовъ. Именно въ это время слушаніе лекцій по физико-математическимъ наукамъ и по гражданской исторіи сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ студентовъ низшаго отдѣленія, тогда какъ прежде одни избирали для себя математику,

другіе—исторію. По этому правленіе Академіи признало нужнымъ вмѣсто двухъ часовъ для каждой лекціи назначить полтора часа и вмѣстѣ съ тѣмъ для однообразія въ началѣ и окончаніи классовъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, и въ высшемъ и въ низшемъ, ввести преподаваніе нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, именно: 1) по обширности науки всеобщей гражданской исторіи отдѣлено преподаваніе русской гражданской исторіи (одинъ урокъ въ недѣлю), которое возложено на наставника греческаго языка къ низшему отдѣленію; 2) въ высшемъ отдѣленіи введено преподаваніе церковной археологіи (одинъ урокъ въ недѣлю), порученное наставнику еврейскаго языка; 3) отъ каѳедры церковной исторіи отдѣлена библейская Вѣтхозавѣтная исторія и преподавать ее (одинъ урокъ въ недѣлю) поручено наставнику греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи; 4) прибавленъ одинъ урокъ по философіи. *) Вслѣдствіе такихъ измѣненій составлено было вновь росписаніе часовъ въ такомъ видѣ: первый утренній урокъ ежедневно начинался въ 8 часовъ и оканчивался въ половинѣ 10-го часа; второй отъ половины десятаго до 11, третій отъ 11 до половины перваго часа. Послѣобѣденные уроки начинались съ половины третьяго и оканчивались въ 4 часа. Эти послѣдніе уроки были посвящены изученію древнихъ и новыхъ языковъ; но по четвергамъ и субботамъ классовъ послѣ обѣда не было. Въ октябрѣ 1862 года послѣобѣденные классы перенесены были на утренніе часы, и назначено четыре урока по 1¼ часа каждый вмѣсто прежнихъ 1½ часовъ. Классы начинались въ 8 часовъ и оканчивались въ часъ дня. **)

Такъ какъ главнымъ предметомъ въ высшемъ отдѣле-

*) Дѣла 1844-г. № 4.

**) Дѣла 1862 г. № 73.

нии было догматическое богословіе, которое обыкновенно читалъ ректоръ, а въ низшемъ—философія, то на занятіе этими предметами и обращено было преимущественное вниманіе студентовъ. Прочіе предметы считались второстепенными, а языки стояли еще ниже во мнѣніи студентовъ, и даже начальства. Студенты знали, что если кто изъ нихъ не дастъ удовлетворительнаго отвѣта по второстепеннымъ предметамъ, а тѣмъ болѣе по языкамъ,—не будетъ пониженъ въ разрядномъ спискѣ, только бы хорошо отвѣчалъ по главному предмету. Записывать лекціи въ классѣ, исключая лекцій весьма немногихъ наставниковъ, не было обычая у студентовъ, и по мнѣнію ихъ, въ этомъ не было и особенной нужды; къ экзаменамъ каждый наставникъ сдавалъ студентамъ лекціи въ сжатомъ видѣ и они ихъ выучивали; а если по какому предмету было печатное руководство,—тогда готовились къ экзаменамъ по печатному. Былъ одинъ случай, когда наставнику поставлено было въ вину, что онъ читалъ лекціи по составленнымъ имъ запискамъ на томъ основаніи, что по этому предмету есть общепринятый печатный учебникъ. *)

Пробнымъ камнемъ для узнанія силы мышленія и степени познаній въ студентѣ—служила диссертация. Не столько отвѣты на повторенія и экзаменахъ давали студенту извѣстное мѣсто въ разрядномъ спискѣ, сколько диссертации; послѣднюю же судьбу его рѣшало такъ называемое курсовое сочиненіе, которое задавалось на послѣдній годъ курса. Въ первые два года нужно было написать пять сочиненій по философіи, два по словесности и два по гражданской исторіи. Въ третій годъ одно по догматическому богословію, одно по нравственному, одно по истолкованію св. Писанія, одно по пастырскому богословію или по гоми-

летиѣ, одно по церковной исторіи и сверхъ того двѣ проповѣди. Темы для одного изъ сочиненій богословскихъ и для двухъ по философіи до 1844 г. задаваемы были на латинскомъ языкѣ и сочиненія писаны были на этомъ языкѣ, котораго тогда не изучали въ Академіи, такъ какъ студенты приносили съ собою вполне удовлетворительное знаніе этого языка изъ Семинарій. Важнымъ пособіемъ для составленія диссертаций, кромѣ латинскихъ книгъ, служили преимущественно нѣмецкія; потому студенты тотчасъ по поступленіи въ Академію напрягали всѣ силы, чтобы изучить нѣмецкій языкъ такъ, чтобъ понимать книги, написанныя на этомъ языкѣ; большая часть изъ нихъ начинали изученіе его съ грамматики. Знаніе нѣмецкаго языка пособляло многимъ занять высшее мѣсто въ спискѣ. Въ Академіи было принято считать лучшимъ то сочиненіе, которое искренно было цитатами изъ Отцевъ церкви, изъ классическихъ и изъ лучшихъ новѣйшихъ писателей; сочиненіе такого рода показывало, что студентъ много читалъ, что эрудиція его довольно обширна. Были подаваемы иногда такія диссертации, въ которыхъ, не преувеличивая можно сказать, каждая страница скрѣплена была нѣсколькими учеными цитатами. Сочиненіе, содержащее собственные сужденія автора и не скрѣпленное печатами постороннихъ авторитетовъ, имѣло меньшее достоинство. Это обстоятельство, что требовалось много времени для чтенія источниковъ и для выписки мѣстъ изъ различныхъ писателей, было причиною, что не всѣ изъ назначенныхъ диссертаций были подаваемы студентами, и что иные по цѣлому году писали напр. одно философское сочиненіе. Случалось и то, что вслѣдствіе обширности темы студентъ не успѣвалъ кончить всего сочиненія и представлялъ только часть, которая, если написана весьма ученымъ образомъ, цѣнилась иногда выше, нежели у другаго цѣлое сочиненіе.

*) Дѣла 1850 года № 50.

Сроки для подачи сочинений назначаемы были, но за ними слѣдили не строго. Обремененный своею задачею, зная, что отъ нея зависитъ его судьба, студентъ просиживалъ за нею ночи, и это было даже въ модѣ. Были такіе, которые только ночью и работали надъ сочиненіемъ, а вечеромъ спали. Занятый сочиненіемъ нерѣдко манкировалъ посѣщеніемъ классовъ—и это не всегда ставилось въ вину студентамъ. Ректоръ Филаретъ (покойный черниговскій архіепископъ), если обходя студентческія комнаты во время классовъ, заставлялъ студента безъ дѣла, препровождалъ его въ классъ, а кого-видѣлъ сидящимъ за сочиненіемъ, тому замѣчаній не дѣлалъ. При такомъ положеніи дѣлъ диссертация, задаваемая собственно на два мѣсяца и подаваемая иногда черезъ десять, достигала значительной толщины—листовъ до 50 и больше. Еще большія усилія требовались для написанія курсоваго сочиненія: тутъ студентъ въ теченіи года буквально обложенъ былъ фоліантами и разными книгами по предмету сочиненія, и можно сказать почивалъ на книгахъ. Онъ былъ въ это время недоступенъ, свирѣпъ, особенно если домогался степени магистра. Обрекшіе себя на кандидатство чувствовали себя спокойнѣе. Но за то были и такіе, которые, въ теченіе всего курса занимаемая мѣсто во второмъ разрядѣ, и не надѣясь слѣдовательно кончить курсъ магистрами, рѣшались усиленнымъ трудомъ надъ курсовымъ сочиненіемъ исхитить себѣ степень магистра, и нѣкоторые достигали этого. Въ концѣ курса это были исхудалые, испитые юноши, и благо тому изъ нихъ, кто отъ непомѣрнаго труда не вынесъ съ собою изъ Академіи зачатковъ смертельной болѣзни. Блаженны были тѣ, которые все время шли въ первомъ разрядѣ: курсовое сочиненіе ихъ, послѣ неудовлетворительнаго исправленія, сдѣланнаго самимъ авторомъ, исправляемо было наставникомъ и иногда исправляемо такъ, что авторъ не узнавалъ

своего произведенія. Такой пріемъ съ курсовымъ сочиненіемъ былъ въ постоянномъ обычаѣ въ Академіи, и вотъ вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ: обыкновенно послѣ окончательныхъ экзаменовъ собиралась конференція подѣ председательствомъ митрополита, на которой разсматриваемы были курсовыя магистерскія сочиненія, изъ которыхъ лучшія, именно тѣ, которые предназначались къ печатанію, предварительно представляемы были митрополиту для прочтенія, и какъ увидимъ далѣе, выходили изъ горнила его критики полными строгихъ замѣчаній. Прочія сочиненія, конечно не въ полномъ ихъ видѣ, а только по частямъ, были прочитываемы въ конференціи. Митрополитъ нерѣдко останавливалъ читавшаго наставника, спрашивалъ, почему въ такомъ-то мѣстѣ допущенъ недосмотръ, требовалъ объясненія той или другой мысли, которая представлялась ему темно или не совсѣмъ правильно выраженной, дѣлалъ замѣчаніе наставнику, почему онъ не вникъ въ то или другое выраженіе и не научилъ студента выражаться правильнѣе и опредѣленнѣе. Это было причиною того, что наставники стали строжайшимъ образомъ пересматривать курсовыя сочиненія, исправляли ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ и передѣлывали заново. Но и при этомъ наставнику стоило иногда не мало трудовъ защищать будущаго магистра, не смотря на то, что сочиненіе было имъ выправлено и выложено. Если бы не было такой предварительной полировки сочиненія, то по причинѣ строгой рецензіи митрополита выходило бы изъ каждаго курса весьма не много магистровъ. По отдѣлкѣ церковно-историческихъ и даже богословскихъ курсовыхъ сочиненій главная работа лежала на знаменитомъ труженикѣ науки, обогащенномъ всесторонними свѣдѣніями, профессорѣ церковной исторіи А. В. Горскомъ. Нѣкоторыя диссертации такъ были имъ передѣлываемы, что честь авторства уже никакъ нельзя было

признать за студентомъ: почти все сочиненіе, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, принадлежало Горскому. Въ такомъ видѣ явилось въ свѣтъ въ 1847 году сочиненіе одного студента, подъ заглавіемъ: *Исторія флорентійскаго собора*. Тутъ всякій, знакомый со складомъ ума Горскаго, узнастъ *ex ungue leonem*. О другихъ опытахъ подобнаго рода умалчиваемъ.

Митрополитъ не любилъ сочиненій обширныхъ, и по поводу диссертациі Д. Левицкаго (1842 г.) подъ заглавіемъ: *О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ*, написалъ: „надобно не такъ много писать: разсужденіе не книга и толстота тетради не есть верхъ совершенства“. *) Высшее духовное начальство требовало съ своей стороны, чтобъ относительно выбора предметовъ для сочиненій и распредѣленія темъ между студентами была наблюдаема строгая разборчивость. Въ 1833 году комиссія духовныхъ училищъ сдѣлала такое предписаніе Академіи: „предметы для сочиненій студентовъ должны быть избираемы съ осмотрительностію. Студенты, не довольно твердые въ познаніяхъ и въ способности соображенія, должны быть упражняемы въ сочиненіяхъ меньшаго пространства, а къ сочиненіямъ болѣе обширнымъ могутъ приступать тѣ, которые довольно утвердились въ познаніяхъ, и могутъ многосложный составъ пространнаго сочиненія обнимать соображеніемъ въ цѣломъ и частяхъ, и наблюдать правильное отношеніе всѣхъ подробностей къ главному предмету и цѣли сочиненія. Сочиненія, писанныя студентами, — непремѣнно и внимательно, на основаніи § 148 академическаго устава, должны быть разсматриваемы наставниками и при семъ разсмотрѣніи встрѣчающіяся погрѣшительныя мѣста на самой тетради сочинителя должны

*) Дѣло 1842. № 48.

быть исправляемы, а гдѣ сіе по роду погрѣшностей неудобно, тамъ противу погрѣшительныхъ мѣстъ сочиненія, на полѣ дѣлаемы бы были замѣчанія, изъ которыхъ бы сочинитель зналъ, въ чемъ онъ погрѣшилъ. По разсмотрѣніи всего сочиненія разсматривавшій долженъ подписать подъ онымъ общій отзывъ о его достоинствѣ и недостаткахъ, и сей отзывъ скрѣпить своимъ именемъ“. *) Въ 1863 году св. Синодъ измѣнилъ порядокъ разсмотрѣнія курсовыхъ сочиненій и постановилъ слѣдующія правила: 1) „сочиненіе читается наставникомъ предмета, по которому писано; 2) вновь послѣ того пересматривается двумя членами конференціи, и наконецъ—3) въ общемъ собраніи конференціи подъ предѣтельствомъ епархіальнаго архіерея. Послѣ сего присуждается ученая степень студенту. Все дѣло на окончательное утвержденіе посылается въ св. Синодъ вмѣстѣ съ разрядными списками и съ отзывами о сочиненіи; самое же сочиненіе не препровождается. Время утвержденія въ степени считается съ того дня, когда состоялось по сему предмету постановленіе конференціи“ **).

Кромѣ классическихъ занятій и письменныхъ официальныхъ упражненій, студенты Академіи находили иногда время для добровольныхъ ученыхъ занятій. Такъ студенты перваго академическаго курса, въ числѣ 24 человекъ, въ мартѣ 1816 года образовали изъ себя ученое общество, подъ названіемъ: *ученныя бесѣды*. Въ современной запискѣ одного изъ членовъ этого общества О. А. Голубинскаго сказано, что къ составленію сего общества подало случай пріятное обыкновеніе, общее между всѣми почти занимающимися науками, собесѣдовать между собою о предме-

*) Журн. конфер. 14 окт. 1833.

**) Журн. конференц. 1863 г. іюня 16.

тахъ своихъ упражненій. Часто, въ часы досуга, продолжаетъ записка, студенты любили съ дружескою свободою и откровенностію говорить, что каждый думалъ о предметахъ ихъ ученія; иногда читали другъ предъ другомъ свои сочиненія и судили объ нихъ. Находя удовольствіе въ сихъ собесѣдованіяхъ, они впрочемъ замѣтили въ нихъ тотъ недостатокъ, что какъ время ихъ, такъ иногда и предметъ, не были опредѣлены, и для того вознамѣрились назначить постоянныя правила для того и другаго; и размышленіе о сихъ правилахъ, а вмѣстѣ взоръ на многія общества, въ разныхъ Академіяхъ и Университетахъ, между учащими и учащимися учрежденныя, открыли въ нихъ мысль о образованіи подобнаго общества. По взаимныхъ совѣщаніяхъ они начертали для таковаго общества постановленія и представили оныя тогдашнему инспектору Академіи, архимандриту Филарету*. Начальство академическое утвердило своимъ согласіемъ это ученое учрежденіе, и студенты, по большинству голосовъ, избрали изъ среды себя трехъ особенныхъ членовъ общества: должность старшаго въ обществѣ возложена на Платона Доброхотова, совѣщателя — на Петра Делицына, производителя письменныхъ дѣлъ — на Феодора Голубинскаго. Въ день открытія общества Доброхотовъ „читалъ приличную рѣчь, въ которой изъяснялъ всю благонамѣренность новаго учрежденія“. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ собраніи прочитано было 20 разсужденій по предметамъ наукъ богословскихъ, философскихъ, словесныхъ и историческихъ. Иванъ Платоновъ читалъ разсужденіе, въ которомъ опровергалъ мнѣніе Валентиніанъ и Социніанъ, что тайна св. Троицы была умствована и гадаема языческими философами, какъ-то Платономъ и его послѣдователями. Василій Алявдинъ читалъ о томъ, какимъ образомъ прежде закона и въ законѣ угодившіе Богу по-

лучили спасеніе, безъ таинствъ благодатнаго искупленія; Алексѣй Платоновъ — о взятіи Герихона, Илья Порошковъ — о дѣйствительномъ значеніи обѣта Іефѳаея, Петръ Делицынъ — о томъ, былъ ли день Тайной вечера днемъ опрѣсновеннымъ и что имѣла общаго самая вечера съ пасхою іудейскою, и т. д. Какъ много говорить въ пользу студентовъ перваго курса это учрежденіе ученыхъ бесѣдъ! Какъ они дорожили временемъ досуга и какъ заняты были вопросами науки! Ученыхъ домашнихъ бесѣдъ не оставляли студенты и въ слѣдующіе курсы; студентъ 2-го академическаго курса, Ф. Измайловъ пишетъ о своемъ времени: „академическое начальство держало себя такъ благоразумно въ отношеніи къ студентамъ, что не мѣшало намъ мыслить свободно. Тѣ изъ насъ, младшихъ и старшихъ, которые любили философію, часто въ свободные часы сходились на бесѣду, философствовали, спорили, помогали другъ другу въ пониманіи Кантова ученія, трудились надъ переводомъ техническихъ словъ его языка и разбирали системы его учениковъ, которые не сходились ни съ нимъ, ни между собою въ своихъ мнѣніяхъ. Такого рода бесѣды много мнѣ принесли пользы. Разъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, когда мы не ознакомились еще съ нѣмецкими учеными, и Кантова философія казалась намъ лѣсъ — лѣсомъ, читалъ я Вѣстникъ Европы и встрѣтилъ въ немъ странный отзывъ о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и другихъ идеалистахъ: ихъ раскритиковалъ какой-то, не помню, ученый, едва ли не профессоръ, и назвавъ помѣшанными, засадилъ въ желтый домъ. Сначала мы повѣрили критикѣ и посмѣялись надъ собою, думая, въ самомъ дѣлѣ не безуміе ли, что мы читаемъ всякія нѣмецкія бредни и силится ихъ проннѣнуть; но послѣ, поговоривъ со старшими студентами, удивлялись, какъ такой нелѣпный отзывъ рѣшился пустить въ публику русскій Университетъ. Вѣстникъ издавался при москов-

скомъ Университетѣ“ *). Въ тоже время часы досуга студентовъ обращены были на переводы замѣчательнѣйшихъ твореній отеческихъ и другихъ ученыхъ сочиненій, составляемые подъ руководствомъ наставниковъ. Такъ студентъ второго курса Петръ Пятницкій (въ послѣдствіи архіепископъ тобольскій Евлампій) перевелъ слово св. Василія на крещеніе, и переводъ одобренъ былъ къ напечатанію комиссією дух. училищъ и напечатанъ въ Христіан. Чтеніи **). Студенты третьяго курса въ 1820 и 1821 г. перевели на русскій языкъ довольно обширное сочиненіе Ioachimi Langii *mysterium Christi et Christianismi* (таинство Христа и христіанства) ***). Въ послѣдствіи времени нѣкоторые изъ студентовъ, въ особенности состоявшіе писемоводителями духовнаго цензурнаго комитета, по просьбѣ книгопродавцевъ занимались, конечно не безъ выгодъ для себя, сочиненіемъ оригинальныхъ и приготовленіемъ переводныхъ съ новыхъ

*) Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. Стр. 128 и слѣд. Здѣсь Измайловъ разумѣетъ статью, помѣщенную въ октябрьской книжкѣ Вѣстника Европы за 1817 годъ подъ заглавіемъ: „нѣчто о разныхъ толкахъ германской философіи“. Она переведена изъ Dzewnika Wilenscogo и составляетъ отрывокъ изъ разбора одного сочиненія на польскомъ языкѣ „о философіи“, написаннаго въ духѣ германскихъ послѣдователей новой философіи, и въ особенности Венцеля. Редакторъ Вѣстника Европы, профессоръ московскаго Университета Каченовскій, къ статьѣ сдѣлалъ нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній, въ которыхъ дѣйствительно глумился надъ философією Канта, Фихте и Шеллинга; въ одномъ напр. примѣчаніи онъ говоритъ: „непонятно, по какому обстоятельству Шеллингъ не преподаетъ ученія своего въ домѣ сумасшедшихъ!“ И далѣе: „просимъ великодушнаго терпѣнія у читателей: нѣмецкая галиматія и въ русскомъ переводѣ не можетъ не быть галиматіей же; а ее никакъ нельзя избѣжать, говоря о метафизикѣ нѣмецкихъ философовъ“.

**) Дѣл. правл. 1822 г. № 63.

***) Переводъ этотъ въ четырехъ частяхъ in folio хранится въ академической библіотекѣ подъ № № 123—126. На первой части рукою ректора Кирилла сдѣлана такая надпись: „сей переводъ, какъ намятникъ трудовъ студентовъ третьяго академическаго курса, хранить между рукописями академической библіотеки. 1823 года“.

языковъ статей для народнаго чтенія. Подобная авторская дѣятельность преимущественно обращена была на составленіе жизнеописаній святыхъ, извлекаемыхъ изъ Четьихъ Миней.

Учебная дѣятельность студентовъ усиливалась предъ экзаменами, которые происходили обыкновенно два раза въ годъ: предъ праздникомъ Рождества Христова и предъ лѣтними каникулами. Первые экзамены были частные — домашніе, безъ присутствія на нихъ постороннихъ лицъ, а предъ вакаціей, кромѣ такихъ же частныхъ испытаній, ежегодно бывали публичные экзамены. Сверхъ того, въ курсовые годы, т.-е. чрезъ каждые два года, бывалъ экзаменъ такъ называемый ревизорскій, который производить поручалось всегда митрополиту московскому. Предъ экзаменами наставники вмѣсто лекцій занимались съ студентами ренетіціями. Экзамены частные, собственно говоря, мало имѣли значенія: дѣло велось домашнимъ образомъ, и хотя въ спискахъ дѣлались отмѣтки о качествѣ отвѣтовъ студентескихъ, но въ конференціи, при составленіи переводныхъ списковъ, отвѣты экзаменическіе въ расчетъ не слишкомъ брались, а руководствовались при оцѣнкѣ достоинства студента преимущественно диссертациями. Случалось, что первый студентъ давалъ на частномъ экзаменѣ плохой отвѣтъ — и это однако не имѣло особеннаго вліянія на его судьбу, если „задачи“ у него были лучше всѣхъ. Не такъ легко сходили съ рукъ экзамены ревизорскіе и публичные, когда ихъ производилъ митрополитъ Филаретъ.

Еще до поступленія на московскую кафедру, Филаретъ три раза былъ назначаемъ ревизоромъ московской Академіи: въ первый разъ, черезъ годъ по открытіи Академіи, въ 1815 году, когда онъ былъ еще архимандритомъ и ректоромъ петербургской Академіи; во второй разъ въ 1818 году, когда былъ епископомъ ревельскимъ, и въ третій — въ

1820 году, когда былъ архіепископомъ тверскимъ. Въ 1815 году ревизія, въ присутствіи архіепископа дмитровскаго Августина, началась 6-го іюля, и въ этотъ день съ 10-го часа утра до половины втораго студенты были подвергнуты испытанію по предмету толкованія св. Писанія и по языкамъ еврейскому и греческому; на другой день 7-го іюля происходили экзамены по философіи и математикѣ, на третій день 8-го числа—по словесности, всеобщей исторіи и новымъ языкамъ. На четвертый день, 9 числа студенты писали сочиненіе на данный ревизоромъ вопросъ: благо или зло произвела Кантова философія? *) Результатъ наблюденій Филарета надъ учебною частію въ Академіи въ эту ревизію, равно какъ и въ ревизію 1818 года, оставался неизвѣстенъ для Академіи до ревизіи 1820 года. Въ этомъ году Филаретъ началъ ревизію съ 19 іюня съ 5 часовъ вечера, и такъ какъ 20 числа былъ день неучебный, то студентамъ онъ приказалъ въ теченіе сутокъ написать сочиненія на слѣдующія данныя имъ темы: 1) въ высшемъ отдѣленіи: „изъяснить изреченіе апостола Павла 2 Кор. 3, 18—*мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа*. Въ изъясненіи сего изреченія долженъ быть разрѣшенъ вопросъ: какое состояніе здѣсь описывается и какъ оно достигается?“ 2) въ низшемъ отдѣленіи: „какое познаніе совершеніе: зрительное (*cognitio intuitiva*), или разумѣвательное (*discursiva*)?“ Іюня 21 ревизорскій экзаменъ происходилъ по классу наукъ богословскихъ въ присутствіи митрополита московскаго Серафима, присутствовавшего потомъ и на слѣдующихъ засѣданіяхъ, и продолжался съ 10 часовъ до половины перваго; въ это время спрошено было только 10 че-

ловѣкъ. Послѣ обѣда экзаменъ возобновился и продолжался съ трехъ до шести часовъ; испытано 17 человекъ. Послѣ испытанія читаны были экспромпты студентовъ, писанные наканунѣ, и отличнымъ оказалось сочиненіе студента Василія Воскресенскаго (послѣ въ монашествѣ *Гавріилъ*). На другой день 22 іюня съ 8 до 12 часовъ испытано по богословію 28 человекъ. Послѣ обѣда съ трехъ часовъ до половины шестаго испытаны 24 студента по церковной исторіи; прочіе за недостаткомъ времени оставлены безъ ревизорскаго испытанія по этому предмету. За тѣмъ въ теченіе часа шелъ экзаменъ по еврейскому языку. 23 числа происходило испытаніе по церковной и по всеобщей словесности, по наукамъ философскимъ, по всеобщей исторіи и греческому языку. 24, 25 и 26 іюня происходило публичное испытаніе, которое въ первый день продолжалось 4½ часа. Назначенное въ этотъ день чтеніе сочиненія студента Андрея Овсова о книгѣ Экклезіаста было отложено по причинѣ продолжительности устнаго испытанія. Но на другой день удѣлено было время слушанію разбора рѣчи св. Василія Великаго о крещеніи, составленнаго студентомъ Пятницкимъ (въ послѣдствіи Евлампій, архіепископъ тобольскій). По окончаніи ревизіи Филаретъ прислалъ изъ Твери на имя внутренняго академическаго правленія предложеніе слѣдующаго содержанія:

„Совершивъ по волѣ начальства три, одно за другимъ слѣдовавшія, обзорѣнія московской Академіи и чрезъ то нѣкоторымъ образомъ сдѣлавшись свидѣтелемъ постепенныхъ ея усилій къ достиженію совершенства со времени новаго ея образованія, — послѣ словесныхъ каждый разъ сношеній съ начальствующими и учащими о предметахъ, того требовавшихъ, я почитаю не только согласнымъ съ обстоятельствами, но и необходимымъ, по силѣ даннаго мнѣ порученія, письменно предложить академи-

*) Дѣл. акад. правл. 1815 г. № 75.

ческому правленію нѣкоторыя слѣдствія изъ наблюденій, дѣланныхъ надъ состояніемъ Академіи.

„Въ протекшія шесть лѣтъ новаго своего существованія, Академія, между тѣмъ какъ занималась уже воспитаніемъ духовнаго юношества, проходила, можно сказать, и сама состояніе собственнаго своего воспитанія. Воспитаніе сіе совершалось съ благословеніемъ Божиимъ. Можно надѣяться, что седьмымъ годомъ Академіи начнется ея совершеннолѣтіе. Въ старшихъ изъ начальствующихъ и наставниковъ усматривается и зрѣлость познаній и сила дѣйствованія на духъ воспитанниковъ. Младшіе большею частію оправдываютъ надежду, воспріятую при ихъ избраніи. Кругъ воспитанниковъ представляется постепенно болѣе сосредоточивающимся въ стремленіи къ общей цѣли, — къ истинному образованію духа по законамъ дѣятельнаго христіанства. Таковы, сколько мнѣ дано видѣть, общій взглядъ на сію Академію при окончаніи втораго ея учебнаго курса.

„О нѣкоторыхъ особенныхъ предметахъ должно сказать нѣчто въ особенности.

„Конспектъ богословскихъ наукъ, представленный для испытанія, и самое испытаніе показали довольно благоустроенное состояніе сего класса.

„По части богословія толковательнаго *) примѣтенъ недостатокъ новѣйшихъ филологическихъ пособій, нужныхъ для точнѣйшаго опредѣленія внѣшняго смысла св. Писанія и для защищенія онаго отъ перетолкованій. Академическому правленію предлежитъ попеченіе пополнить сей недостатокъ выпискою нѣкоторыхъ новѣйшихъ по сей части книгъ, при употребленіи коихъ впрочемъ твердо держаться надлежитъ Апостольскаго правила: *вся искушающе, добрая*

*) Читалъ ректоръ Кирилль.

держите; отъ всякія злыя вещи огребайтесь. Часто у новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей искусная филологія прикрываетъ худую богословію.

„Систему полемическаго богословія *) полезно будетъ пополнить статьею о расколахъ, возникшихъ и продолжающихся въ церкви російской, и о способѣ обличать оныя.

„Классъ церковной исторіи **), по видимому, не простеръ своихъ изысканій далѣе учебной книги; но симъ руководствомъ достаточнѣе воспользовался онъ въ нынѣшнемъ, нежели въ предъидущемъ учебномъ курсѣ.

„Въ урокахъ церковнаго краснорѣчія ***) понятіе о церковномъ ораторѣ представлялось въ видѣ слишкомъ напряженномъ и недовольно систематическомъ. Впрочемъ сіе конечно усовершится при продолжающейся ревности и возрастающей опытности учащаго.

„Классъ наукъ философскихъ, образованный дѣятельностію нынѣшняго профессора *) по здоровымъ началамъ и доброму духу представляетъ доброе сѣянiе на такомъ полѣ, которое, если позволено такъ изъясниться, съ тѣхъ поръ, какъ прошло по нему рало критицизма, большею частію зарастало дикою травою. То, что по обстоятельствамъ не зависящимъ отъ произвола, не совершено въ семъ курсѣ, уповательно дополнится основательностію преподаваемаго и тицаніемъ слушавшихъ.

„Въ урокахъ всеобщей исторіи **) съ одобреніемъ надлежало замѣтить направленіе къ тому, что называютъ философіею исторіи. Впрочемъ нынѣшнее испытаніе не показывало по сему классу новой дѣятельности въ сравненіи

*) Читалъ инспекторъ іеромонахъ Платонъ Березкинъ.

**) Читалъ іеромонахъ Сергій Извъковъ.

***) Читалъ Никифоръ Ів. Потаповъ.

*) Василя Ів. Кутневича.

**) Читалъ Василій Вас. Херсонскій.

съ тѣмъ, что видно было въ предъидущее обозрѣніе. Академическому правленію надлежитъ обратить вниманіе на недостатокъ у профессора сего класса въ чувствѣ слуха, не побѣждаемый присутствіемъ духа, не пренятствуетъ ли оный совершенству отчетовъ, изустно требуемыхъ отъ студентовъ въ слышанныхъ ими урокахъ.

„Въ урокахъ всеобщей словесности *) часть теоретическая представляется распространенною далѣе предѣловъ потребности училища духовнаго и недовольно ясною, по причинѣ обширной иностранной философско-эстетической терминологіи, дающей наукѣ о прекрасномъ видъ безобразія болѣе, нежели основательности. Въ изложеніи сихъ уроковъ также частію замѣченъ былъ блескъ декламации болѣе, нежели точность системы. Въ конспектѣ наименовано много родовъ стихотворныхъ сочиненій, изъ коихъ многихъ всѣ воспитанники духовной Академіи, и многіе всѣхъ, никогда писать не будутъ: между тѣмъ какъ ни конспектъ, ни испытаніе не представили правилъ о расположеніи ораторской рѣчи, конечно необходимыхъ для каждаго изъ оныхъ. Справедливость требуетъ не умолчать при семъ замѣчаніи, что и сквозь нѣкоторые недостатки видна была способность и стараніе преподающаго: дальнѣйшая опытность его въ должности и руководство начальствующаго надъ учебною частію Академіи поставятъ и сію кафедру въ положеніе приличное мѣсту, въ которомъ она находится.

„О кафедрѣ математико-физической, **) занимаемой также однимъ изъ младшихъ, я могу позволить себѣ одно частное замѣчаніе, что въ урокахъ физическихъ есть признаки собственной его дѣятельности, которая одну надежду оправдываетъ, а другую основываетъ.

„Языкъ еврейскій *)), сколько можно было замѣтить въ продолженіи испытанія, преподается основательно: можетъ быть однакожъ, нужно еще новое усиліе, чтобы Академія по сей части могла образовать профессора самой себѣ.

„Классъ языка греческаго **) требуетъ новыхъ усилій для его усовершенствованія. Учащій, повидимому, недалеко упредилъ учащихся, хотя можетъ быть сіе произошло главѣйшимъ образомъ отъ нечаяннаго выбытія прежняго профессора сего каѳедры ***).

„И знаніе французскаго языка ****) не столько казалось обширнымъ, сколько оно должно быть просто для знающихъ языкъ латинскій. Не бесполезно усилить вниманіе на усовершенствованіе произношенія. Совершенство не великое: но недостатокъ иногда немалый по обстоятельствамъ и послѣдствіямъ.

„Не могу умолчать о похвальномъ упражненіи студентовъ Академіи въ церковномъ пѣніи. Искусство ихъ въ семъ дѣлѣ болѣе или менѣе свидѣтельствуетъ объ охотѣ, съ которою оно дѣлается, а вниманіе — о участіи духа. Какъ бы кто ни думалъ, для меня пѣніе студентовъ въ церкви было немаловажною частію ихъ испытанія, въ которомъ чрезъ настроеніе звуковъ испытывалось настроеніе духа, и умиленіемъ изрекалось одобреніе чувства, не менѣе существенное, какъ и одобреніе мысли.

„Для представленія начальству опытнаго свидѣтельства о состояніи ученія въ Академіи, желательно, чтобы академическое правленіе, или чрезъ мое посредство, или непосредственно комиссіи духовныхъ училищъ представило истол-

*) Преподавали Арсеній Ив. Тяжловъ и іеромонахъ Амфилохій.

**) Преподавалъ іеромонахъ Амфилохій.

***). Григорій Кирилл. Огіевскаго.

****) Читалъ іеромонахъ Сергій Извъковъ.

*) Читалъ Платонъ Ив. Доброхотовъ.

**) Читалъ Петръ Спирид. Делицынъ.

ковательные уроки о посланіи къ Евреямъ, которую либо часть на первый разъ (если не все) философскихъ уроковъ, и что еще оно заблагоразсудить изъ прочихъ трудовъ учащихся. Изъ сочиненій студентовъ представить тѣ, которыя назначены были для чтенія на открытомъ испытаніи.

„Наконецъ общимъ съ Академіею воззваніемъ взываю къ *Наставнику премудрости* (вспоминая сію церковную пѣснь, пѣтую воспитанниками въ залѣ собранія), да утвердитъ въ сей обители ученія обитель истинной своей премудрости, и такимъ образомъ (скажу опять не моимъ словомъ въ подкрѣпленіе моего) *предаю васъ, братіе, Богу и слову благодати Его, могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ* (Дѣян. 20)“ *).

„Седьмой годъ совершеннолѣтія“ Академіи (1821) былъ годомъ вступленія архіепископа тверскаго Филарета на кафедру святителей московскихъ, и Академія 16 лѣтъ находилась подъ непрерывнымъ его смотрѣніемъ. Во все это время обязанность ея обозрѣнія возлагалась высшимъ начальствомъ на одного Филарета, который кромѣ того почти ежегодно присутствовалъ и на открытыхъ испытаніяхъ. На этихъ испытаніяхъ постороннему наблюдателю представилась бы такая школа ученія, которая въ одинъ разъ обогатила бы его множествомъ свѣдѣній энциклопедическихъ. Вмѣстѣ съ невольнымъ чувствомъ смущенія, которое такъ естественно имѣть испытываемому предъ лицомъ геніальнаго испытателя, въ испытываемомъ раждалась нескрываемая радость любознательности при вниманіи къ лившейся рѣкою рѣчи Филарета. Нечто говорить объ испытываемыхъ! Наставники Академіи съ напряженнымъ вниманіемъ ловили каждое его слово, которое глубоко западало въ душу, рѣшая трудные вопросы науки. Одинъ изъ знаме-

нитыхъ наставниковъ Академіи, профессоръ философіи Ѳ. А. Голубинскій всякій разъ собиралъ это сокровище, записывая каждое слово Филарета во время испытанія, и въ потребныхъ случаяхъ извлекалъ изъ этихъ записей установившійся, окрѣпшій взглядъ на вопросы, для многихъ неудоборѣшимые. Онъ признавался и всякій раздѣлялъ его мнѣніе, что изливавшаяся изъ устъ Филарета рѣчь до такой степени была правильна и сильна, что слушая ее, какъ бы внимаешь чтенію замѣчательной ученой книги, наполненной богатымъ запасомъ свѣдѣній глубокихъ. Съ строгою точностію, не допуская излишняго слова, давалъ Святитель вопросы и внушалъ испытываемымъ, что отвѣты должны отличаться точностію и прямою, безъ уклоненія къ мыслямъ, не близкимъ къ вопросу, безъ лишнихъ фразъ, запутывающихъ дѣло. Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи VII курса (1830), Казанцевъ даетъ объ этихъ экзаменахъ такое свидѣтельство: „вопросы Филарета были всегда интересные, прямо относящіеся къ дѣлу. Довольно было терпѣнія у него выслушать отвѣты слабые, легкіе, побочные; обличенія и опроверженія его большею частію безпристрастны, всегда основательны, неопровержимы. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ разрѣшить вопросъ умами студентовъ и профессоровъ, при чемъ Филаретъ прибавленіями къ возраженію увеличивалъ важность отвѣта, — наконецъ покрывалъ дѣло самъ владыка, давая на свой вопросъ отвѣтъ полный; ясный, свѣтлый. Блестящіе отвѣты студентовъ и основательныя рѣчи профессоровъ при этомъ свѣтилъ кажутся легкимъ мерцаніемъ истины“ *).

Въ первый же годъ по вступленіи на кафедру московскую, въ декабрѣ 1821 года, Филаретъ явился въ Акаде-

*) Дѣла академ. правл. 1820 г. № 82.

*) Чтен. въ моск. общ. истор. и древн. 1877 кн. 2. О Филаретѣ М. М. стр. 3.

мію на частные экзамены. Съ 9 до 2-хъ часовъ 15 декабря онъ производилъ испытаніе студентовъ по богословію созерцательному и дѣятельному, по классу чтенія св. Писанія и по опытной психологіи. На другой день экзаменовалъ по метафизикѣ и исторіи философіи, по церковному краснорѣчію, всеобщей словесности и гражданской исторіи *). Въ слѣдующемъ 1822 году въ Академіи оканчивался третій учебный курсъ. Филаретъ явился на испытанія въ качествѣ ревизора. Въ первый день экзамена, 16 іюня, онъ назначилъ студентамъ писать экзаменическія сочиненія, которыя самъ онъ послѣ перечитывалъ и которыя имѣли большое значеніе при назначеніи ученыхъ степеней студентамъ; въ высшемъ отдѣленіи онъ назначилъ двѣ темы: 1) *испытайте духи, еще отъ Бога суть* и 2) о состояніи душъ между смертію и послѣднимъ судомъ; въ низшемъ отдѣленіи: философія есть ли путь къ блаженной жизни? На другой день, 17 числа, онъ началъ производить испытанія по богословскимъ наукамъ; „вопросы предлагаемы были сперва по предварительно приготовленнымъ предметамъ, потомъ по жребію“. Съ осьми часовъ до часу спрошено было только семеро студентовъ; въ журналѣ конференціи замѣчено, что въ этотъ день „особенно отличились студенты Моисей Молчановъ и Петръ Терновскій“. 19 числа въ продолженіе также пяти часовъ испытано по тѣмъ же наукамъ 9 человѣкъ, 20-го дня въ теченіе 3-хъ часовъ 9 человѣкъ; 21-го числа на продолжавшемся испытаніи по богословскому классу кромѣ ревизора присутствовали: Симеонъ, архіепископъ ярославскій, и Пароеній, епископъ владимірскій; въ теченіе трехъ часовъ спрошены были четверо. 22 числа спрошено было въ продолженіе четырехъ часовъ по тѣмъ же предметамъ 9 человѣкъ. 23-го

*) Дѣл. прав. 1821 г. № 73.

дня въ такое же количество часовъ подвергнуто испытанію 18 студентовъ. Такимъ образомъ по одному богословскому классу ревизорскій экзаменъ продолжался шесть дней. Въ слѣдующій за тѣмъ день Филаретъ производилъ испытаніе по классу наукъ философскихъ, а дальнѣйшее веденіе экзамена предоставилъ конференціи. Іюля 3-го и 4-го были открытыя испытанія, на которыхъ съ Филаретомъ присутствовали между прочимъ: викарій московскій Аѳанасій, епископъ дмитровскій; Досифей, архіепископъ грузинскій, и почетный членъ конференціи сенаторъ Д. Б. Мертваго *).

И въ послѣдующее время Филаретъ всегда признавалъ академическіе экзамены однимъ изъ важныхъ и серьезныхъ своихъ занятій, и предъ другими выставлялъ это занятіе, какъ достойное употребленія на оное продолжительнаго времени, которымъ вообще онъ дорожилъ; въ 1832 году онъ писалъ своему викарію, епископу Николаю, изъ лавры: „еще не провелъ я здѣсь дня безъ усталости. Одно изъ экзаменскихъ засѣданій продолжалось 5, а другое 6 часовъ. Вчера (6 іюля) 6 часовъ проведено за пересмотромъ сочиненій и повѣркою разрядныхъ списковъ“. Въ 1840 году онъ писалъ А. Н. Муравьеву: „у меня и въ лаврѣ, какъ въ Москвѣ, не вижу, какъ идетъ время. 27-го дня (іюня) испытаніе въ Академіи въ продолженіе пяти часовъ, 28-го — тоже“. Въ 1846 году отъ 3-го іюля писалъ онъ викарію Іосифу: „академическія дѣла, которыми занимался сегодня, еще не оканчиваются не по моей винѣ, и мнѣ остается еще надъ ними трудъ. Но за симъ не останавлиюсь въ лаврѣ“.

Изъ дѣлъ академическихъ видно, что м. Филаретъ входилъ со строгимъ изслѣдованіемъ во всѣ части ученой жизни академическаго общества, слѣдилъ за ходомъ пре-

*) Дѣл. акад. правл. 1822 г. № 92.

подаванія всякой науки, строго пересматривалъ конспекты и дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія, требовалъ отъ наставниковъ свѣдѣній, по какимъ источникамъ и въ какой полнотѣ прочитаны ими лекціи въ теченіе курса, требовалъ иногда самыхъ лекцій, если онѣ были записаны.

Еще занедѣлю и болѣе до экзаменовъ митрополиту обыкновенно представляемы были правленіемъ Академіи конспекты по всѣмъ предметамъ, пройденнымъ въ теченіе учебного года, а предъ публичнымъ экзаменомъ конспектъ предметовъ для открытаго испытанія. Митрополитъ довольно строго пересматривалъ эти конспекты и дѣлалъ на нихъ иногда замѣчанія, и въ особенности выражалъ всегда желаніе, чтобъ конспекты для открытаго испытанія были составляемы съ полнымъ вниманіемъ и осторожно, такъ какъ они предназначаемы были къ печатанію. Такъ въ 1833 году бакалавромъ всеобщей словесности А. Нечаевымъ представлена къ публичному испытанію статья о геніи; митрополитъ далъ резолюцію: „статья о геніи никого не сдѣлаетъ геніемъ и едва ли чему нибудь научить въ дѣлѣ. Прибавить другую“. На конспектъ къ публичному испытанію слѣдующаго 1834 года митрополитъ опять сдѣлалъ замѣчаніе относительно программы экзамена по словесности: „по нѣкоторымъ предметамъ назначенное обзорѣніе очень мало и статьи такія, которыя почти не даютъ случая испытующимъ войти въ дѣло и усмотрѣть ходъ науки. Хорошо ли, напримѣръ, весь экзаменъ по словесности ограничить одною идеею высокаго, о которой много бываетъ высокопарныхъ толковъ, но которая не чаще отъ того встрѣчается на дѣлѣ? Пересмотрѣть о. ректору конспектъ съ нѣкоторыми членами конференціи и стараться дать ему болѣе удовлетворительный видъ и тогда напечатать“ *). Пересматривая конспектъ по догматическому

*) Дѣл. правл. 1834 № 137.

богословію, представленный въ 1838 году ректоромъ архимандритомъ Филаретомъ (послѣ архіепископъ черниговскій), митрополитъ сдѣлалъ на немъ нѣсколько замѣчаній. Въ конспектѣ было написано: понятіе о Богѣ откровенія Ветхозавѣтнаго; понятіе о Богѣ откровенія Новозавѣтнаго; сужденіе разума; пантеистическое понятіе о Богѣ. Митрополитъ поправилъ: „понятіе о Богѣ изъ откровенія Ветхозавѣтнаго и Новозавѣтнаго“ и написалъ замѣчаніе: „какъ будто два разные понятія! Какъ будто откровеніе разнится съ откровеніемъ! Въ урокахъ можетъ быть видно, но въ конспектѣ загадочнымъ представляется, какъ и для чего одно изъ лжеученій прислонено къ истинному ученію“. У ректора встрѣтилось выраженіе: „въ предисловіи Евангелія Іоаннова“; митрополитъ поправилъ: „въ началѣ Евангелія“ и сдѣлалъ замѣчаніе: „предисловіемъ называется нѣчто пришлое, не принадлежащее къ составу книги“. Обо всемъ конспектѣ этого года митрополитъ написалъ слѣдующее замѣчаніе: „конспектъ слишкомъ отрывочный вообще имѣетъ непріятный видъ. Онъ ведетъ къ подозрѣнію, что хотятъ немножко выучить на память и прочитать. Если испытанія на-показъ тернимы были по нуждѣ въ ожиданіи усовершенія ученія: то пора уже быть испытаніямъ болѣе совершеннымъ. По крайней мѣрѣ богословскій конспектъ, который теперь отрывочнѣе и скуднѣе философскаго, долженъ получить нѣсколько болѣе полноты. Странно, что въ столь отрывочномъ конспектѣ словесности не могли пропустить сатиры и элегіи, какъ будто это крайне нужно для духовной Академіи. Исправить, и тогда можно напечатать“. Въ 1842 году на представленіи правленія съ приложеніемъ конспектовъ, митрополитъ написалъ: „помните, говаривалъ я и прежде, что статьи для открытаго испытанія берутся слишкомъ короткія. Это стѣсняетъ испытующаго, и испытываемаго располагаетъ къ буквальному

повторенію уроковъ, по опасенію сократить испытаніе,— и это не лучший способъ испытанія. Не лучше ли назначить нѣсколько предметовъ съ предположеніемъ, что въ свободныхъ отвѣтахъ сократятся подробности. Совѣтую разсудить о семъ. Хорошо ли и то, что въ первый день все дѣлаетъ высшее отдѣленіе, а на другой все низшее, и одно не даетъ отдохнуть другому“. О конспектѣ 1858 года митрополитъ сдѣлалъ такіа замѣчанія: „*присутствіе* Тѣла Христова въ Евхаристіи есть догматъ лютеранскій. Посему и васъ могутъ въ семъ подозрѣвать, если скажете только: *присутствіе* I. X., а не сдѣлаете прямого указанія на православный догматъ.— Когда говорите о таинствѣ священства: можно ли не упомянуть о его степеняхъ?—Слово: *главенство* есть варварское. Оно недавно выдуманно: не ужели прежде не умѣли говорить? И недостаточно выражаетъ оно римскій догматъ. Латины говорятъ: *namusники Христовы, преемники Апостола Петра, видимая глава церкви*: и это точнѣ понимается и опровергается, нежели варварское слово: *главенство*, котораго у нихъ нѣтъ.—Что за *народность* въ церковномъ проповѣданіи? Церковь учитъ *вся языки* однимъ ученіемъ, примѣняя ученіе къ умственному и нравственному состоянію человѣка, а не кафтану, тулупу и блузѣ.— Удерживаюсь сказать вашему конспекту: да. И не хочу сказать: нѣтъ. Возвращаю его для пересмотра“ *).

Чего требовалъ митрополитъ отъ студентовъ на испытаніяхъ, это показываютъ резолюціи его 1828 и 1842 годовъ: „1) при испытаніи наблюдать, чтобы испытываемые отвѣчали изъ ума и знанія, а не слѣпо изъ учебныхъ книгъ или записокъ. 2) Напомнить студентамъ, хотя сіе само со-

*) Письмо отъ 9-го іюня 1858 къ ректору м. д. Академіи въ бумагахъ А. В. Горскаго.

бою должно быть извѣстно, что знаніе главныхъ истинъ, готовое къ отвѣту всякому вопрошающему, есть первое на потребу, которое можетъ быть украшено и дополнено знаніемъ подробностей, но въ которомъ усмотрѣнный недостатокъ не былъ бы покрытъ изученнымъ знаніемъ подробностей въ той, или другой части науки“. Въ какой формѣ происходили испытанія при митрополитѣ Филаретѣ, въ дѣлахъ академической конференціи за 1838 годъ изображается такъ: „студенты вызываемы были лично отъ его высокопреосвященства къ столу, поименно, по три человѣка, и здѣсь отвѣтствовали на вопросы, имъ предлагаемые большею частію преподавателями, а частію его высокопреосвященствомъ. Нѣсколько вопросовъ предложены были отъ его высокопреосвященства вообще испытываемому классу съ вызовомъ къ отвѣту желающихъ для усмотрѣнія преимущественной способности и готовности къ отвѣтамъ на вопросы непредвидѣнные“. Такой порядокъ испытаній при митрополитѣ Филаретѣ съ 1842 года нѣсколько измѣнился: студенты стали отвѣчать по билетамъ, на которыхъ написаны были вопросы.

Представляемъ нѣсколько рассказовъ изъ исторіи академическихъ экзаменовъ, когда они происходили въ присутствіи Филарета. Воспитанникъ 2-го академическаго курса Ф. Измайловъ рассказываетъ о экзаменѣ 1820 года: „помню, что въ нашъ экзаменъ по словесности ревизоръ (т. е. Филаретъ) страшно разсердился: одинъ студентъ, близкій еще мнѣ пріятель, вынулъ билетъ на трактатъ о гениѣ и талантѣ. Ревизоръ, который всегда молча смотрѣлъ на вынимаемые билеты и, узнавши, какой трактатъ, спокойно ожидалъ изложенія, тутъ вздумалъ проговорить: „нука, скажите намъ, что такое гениѣ?“ Студентъ, нисколько не заикаясь, отвѣчаетъ: не знаю. Какъ? съ изумленіемъ спрашиваетъ ревизоръ и смотритъ въ списокъ, въ кото-

ромъ отвѣтчикъ, какъ студентъ очень умный, поставленъ высоко, едва ли не въ первомъ пяткѣ. „Вы изволите спрашивать опредѣленіе генія, я его не понимаю“, говоритъ студентъ. Ревизоръ взглянулъ на бакалавра (М. О. Божанова); бакалавръ говоритъ студенту: отвѣчайте какъ написано. Студентъ возражаетъ: „чтожъ я буду отвѣчать, когда не понимаю? Написано безтолково“. Бакалавръ вспыхнулъ, ревизоръ зашевелился въ креслахъ и сердито произнесъ къ студенту: „понимаешь ли ты, что говоришь?“. Потомъ, обращаясь къ ректору, говоритъ: „это человѣкъ буйный, онъ не можетъ быть терпимъ“. Немудрено, что такъ бы и вышло, еслибъ за неосторожнаго студента не вступился ректоръ и самъ бакалавръ, которые его разумѣли хорошо. Все-таки пріятеля моего лишили принадлежащаго ему мѣста и въ общемъ списокъ зачислили довольно низко*). Инспекторъ, архимандритъ Евлампій (1826—1831), представилъ на экзаменъ статью изъ полемическаго богословія, и богословіе это называлъ „воительнымъ“. Митрополитъ замѣтилъ ему: „отъ чего же не назвать солдатскимъ богословіемъ?“. Въ другой разъ замѣтилъ ему же во время чтенія студентомъ изъ его трактата объ Аріанахъ: „ты сражаешься съ тѣнями“. На экзаменъ изъ всеобщей словесности, которую преподавалъ профессоръ П. И. Доброхотовъ (1818—1832), разбиралась однажды, какъ образцовое произведение, надпись Рубана къ памятнику Петра 1-го: *Колоссъ Родосскій днесъ смири свой гордый видъ* и пр. Митрополитъ разобралъ и мысли и слова въ этой надписи и доказалъ профессору, что эта надпись вовсе не образцовое произведение**). Однажды митрополитъ спросилъ студента на экзаменѣ: „какъ отличить истинное чудо отъ ложнаго?“

*) Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. Стр. 147. 148.

**) Душен. Чтен. 1870, октябрь, стр. 34.

И когда студентъ въ отвѣтъ не попадалъ на его мысль, Филаретъ самъ отвѣчалъ: „нужно обращать преимущественное вниманіе на жизнь чудотворца: быть облеченнымъ силою свыше можетъ только человѣкъ, близкій къ Богу, достойный этого по своимъ качествамъ или заслугамъ“. Въ другой разъ спросилъ онъ: „почему Евангелистъ Іоаннъ одинъ изъ всѣхъ Евангелистовъ упоминаетъ о воскресеніи Лазаря?“. Когда стоявшій на экзаменѣ студентъ не далъ на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта, митрополитъ обратился ко всѣмъ студентамъ съ словами: „кто скажетъ?“. Одинъ изъ студентовъ отвѣчалъ: Іоаннъ повѣствуетъ болѣе о томъ, что совершалъ Іисусъ Христосъ въ Іудеѣ, тогда какъ прочіе Евангелисты описываютъ по преимуществу дѣла Его въ Галилеѣ. Митрополитъ замѣтилъ: „такъ, но есть еще довольно правдоподобная мысль у нѣкоторыхъ, что Лазарь находился еще въ живыхъ, когда первые три Евангелиста описывали дѣянія Іисуса Христа, и что посему упомянуть о его воскресеніи—значило бы подвергнуть его новымъ гоненіямъ со стороны Іудеевъ, которые и безъ того хотѣли его умертвить. А святой Іоаннъ, какъ извѣстно, писалъ Евангеліе свое весьма поздно, когда Лазаря, какъ должно полагать, не было уже въ живыхъ, и слѣдственно не было причины къ подобнымъ опасеніямъ *)“. Этотъ пріемъ, что Филаретъ обращался къ цѣлому курсу съ словами: кто скажетъ? повторялся, и притомъ неоднократно, въ каждый экзаменъ. При окончаніи третьяго курса (1822) на приглашеніе отвѣчать вышелъ одинъ изъ студентовъ, по фамиліи Ловцовъ, и когда далъ удовлетворительный отвѣтъ, Филаретъ, спросивъ его фамилію, сказалъ: „хорошо: ты уловилъ истину“. Монахъ Никодимъ Казанцевъ, воспитанникъ VII курса, рассказываетъ о эк-

*) Душен. Чтен. 1869 г. мартъ, 84.

заменахъ 1830 года слѣдующее: „шла нравственная богословія. Профессоръ этого предмета—инспекторъ, архимандритъ Евлампій. Мнѣ данъ вопросъ: о степеняхъ совершенства нравственныхъ дѣйствій христіанскихъ. Параграфъ, который мнѣ надобно было прочитатъ въ отвѣтъ, изложенъ періодомъ относительнымъ: чѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе. Протазисъ имѣлъ по крайней мѣрѣ три члена, столько же и апотазисъ этого длиннаго періода. Мало того: каждый протазисъ и каждый апотазисъ имѣлъ свой текстъ св. Писанія, какъ бы въ подтвержденіе свое. У меня не были выписаны тексты сіи (я не считалъ ихъ нужными): потому я прочиталъ періодъ безъ текстовъ. Но меня безпрестанно останавливалъ о. Евлампій, требуя произнесения текста на каждый членъ періода. Когда же я молчалъ, то Евлампій произносилъ эти тексты самъ; даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе: „доказывайте изреченіями св. Писанія ваши разсужденія, дабы иначе не подумали, что вы разсуждаете произвольно, безъ основаній!“ Въ это время Филаретъ нетерпѣливо взглядывалъ то на меня, то на Евлампія, потомъ, когда я протазисилъ періодъ, Филаретъ возбужденно заговорилъ, обращаясь къ Евлампію: „священнымъ Писаніемъ надобно доказывать полную истину, а не часть ея. Если скажете: „чѣмъ дѣйствіе чище по намѣренію“ и за тѣмъ тотчасъ придадите изреченіе св. Писанія, вы сдѣлаете глупость, потому что будете доказывать слова, а не мысль, которая еще не извѣстна. По сему вы напрасно сбивали съ толку монаха и навязывали ему вашу безмыслицу“. Затѣмъ владыка сталъ слушать другаго. Михаилъ Россовъ читалъ параграфъ о единствѣ закона Моисеева и закона Евангельскаго. Владыка далъ прочитатъ параграфъ (Россовъ читалъ хорошо и приводилъ всѣ тексты св. Писанія), потомъ началъ опровергать прочитанное. Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ Моисеева и Евангельска-

го единствомъ законодателя, Сына Божія. Филаретъ на это сказалъ: „Императрица Екатерина написала соляной уставъ и уставъ о губерніяхъ. Слѣдовательно соляной уставъ и уставъ о губерніяхъ суть одинъ и тотъ же законъ?“ Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ единствомъ цѣли. Филаретъ сказалъ: „петербургская дорога ведетъ въ Москву, и дмитровская дорога ведетъ въ Москву же. Слѣдовательно петербургская и дмитровская дорога суть одна дорога?“ О. Евлампій выслушалъ сей несладкій урокъ молча.

„При чтеніи параграфа изъ догматическаго богословія о божествѣ Іисуса Христа Филаретъ спросилъ: „почему Іисусъ Христосъ ни однажды не сказалъ прямо: Я есмь Богъ, Сынъ Божій, единосущный Отцу и Святому Духу? Почему и Евангелисты, ни одинъ ни однажды не выразили сей же рѣчи прямо? Если бы сказано было самимъ Христомъ или Его Евангелистами прямо, что Христосъ есть Богъ самосущій: то невозможны были бы такія ереси, какова на примѣръ Аріева“. На этотъ вопросъ было нѣсколько отвѣтовъ, которые однакожъ Филарета не удовлетворяли. Я всталъ и сказалъ: Апостолъ Павелъ сказалъ: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). А Евангелистъ Іоаннъ, изъясняя рѣчь Іисуса Христа о водѣ живой, которая истечетъ изъ чрева вѣрующихъ во Христа, сказалъ: *сіе рече о Дусѣ, Его же хотяху приимати вѣрующіи во имя Его: не у бо бы Духъ Святыи, яко Іисусъ не у бо прославленъ* (Іоан. 7, 39). Посему если бы Іисусъ Христосъ и сказалъ прямо, что Онъ сущій Богъ: Его сей рѣчи не могли бы вмѣстить умы человѣческіе безъ содѣйствія Духа Святаго, который въ это время еще не дѣйствовалъ“. Послѣ сего моего отвѣта Филаретъ выслушивалъ рѣчи и нѣкоторыхъ другихъ. Потомъ, выслушавши, сказалъ: „монахъ отвѣчалъ хоро-

шо“. За тѣмъ Филаретъ началъ развивать и расширять мою мысль, или хотя на основаніи ея свою, съ своимъ, ему одному свойственнымъ краснорѣчіемъ“ *).

Въ слѣдующій курсъ (1832 г.) на экзаменѣ по библейской исторіи, когда одинъ изъ вызванныхъ студентовъ не отвѣтилъ на вопросъ митрополита: что такое *вода окропленія* (Числ. гл. 19.), митрополитъ обратился ко всему курсу студентовъ съ словами: кто скажетъ? Студентъ Смѣловскій всталъ и отвѣчаетъ: это вода изъ пепла рыжей юницы... Митрополитъ сказалъ ему: „*cruce te signa!* Какъ вода изъ пепла?“ Студентъ исправилъ неточное выраженіе и далъ отвѣтъ удовлетворительный.

На публичномъ экзаменѣ 1837 года, 2 іюля, митрополитъ велъ довольно продолжительную бесѣду съ профессоромъ церковной исторіи А. В. Горскимъ. Въ своемъ дневникѣ Горскій передаетъ эту бесѣду въ слѣдующемъ видѣ: „нынѣшній день, на испытаніи, мнѣ привелось держать довольно длинный диспутъ съ владыкою по предмету лекцій. Послѣ перваго вопроса изъ книги, по предложенію о. ректора**), онъ сталъ слушать представленное для испытанія изъ Новозавѣтной исторіи: о распространеніи и угнетеніи христіанства послѣ Апостоловъ до Константина. Открывъ свои замѣчанія тѣмъ, что студентъ читаетъ не исторію, а разсужденіе, и что сказанное о побужденіяхъ къ распространенію христіанства относится не къ однимъ тѣмъ временамъ, къ которымъ приложено, но и къ другимъ. Прослушавъ краткія замѣчанія о стражахъ, въ которыхъ вновь христіанство распространилось, началъ дѣлать снова замѣчанія на статью о препятствіяхъ къ распространенію христіанства, и съ самаго начала на

разнообразное направленіе духа имперіи и духа христіанскаго общества. „Что такое духъ? Могли ли вы сами обнять и изслѣдовать духъ христіанства? Могли ли вмѣстить это головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе въ исторіи; смотрятъ на человѣчество, какъ на одного человека, усвояютъ ему то то, то другое общее направленіе. Прекрасный взглядъ на исторію Боссюэтовъ.— Въ послѣдствіи другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству; они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свою идею. Все это пустяки! О нетерпимости иноземныхъ вѣръ въ римской имперіи сначала сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „такъ поэтому въ римской имперіи христіанство не могло быть терпимо? А развѣ всегда была проливаема кровь христіанъ?“ Я объяснилъ, что по законамъ римской имперіи христіане не могли быть терпимы. „Почему же такъ?“ Конституція римской имперіи требовала, чтобы соблюдаема была народная религія гражданами имперіи неотмѣнно.— „Что такое конституція?— Это понятіе составилось въ концѣ XVIII столѣтія. Никакой конституціи не бывало. Противъ христіанъ дѣйствовали не по законамъ конституціи, а по эдиктамъ императоровъ, издаваемымъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ, по вліянію извѣстныхъ лицъ. А другіе императоры выдавали даже указы въ пользу христіанъ“.— Я отвѣчалъ на это: слово: конституція я употребилъ неправильно. Что касается до указовъ въ пользу христіанства, то христіанство было признано дозволенною религіею только въ 3 вѣкѣ. Доселѣ положеніе ея, какъ религіи недозволенной, всегда подвергало исповѣдниковъ ея опасности.— „Да былъ ли хотя одинъ законъ постоянный и опредѣленный въ имперіи противъ христіанства?“ Я отвѣчалъ: былъ общій законъ въ имперіи противъ всякой иноземной религіи, которая усиливалась на счетъ народной. И по этому закону часто дѣй-

*) Епископа Никодима о Филаретѣ м. м. въ Чтеніяхъ москов. общ. истор. и древн. 1877, кн. 2, стр. 10—13.

**) Филарета.

ствовали въ отношеніи къ другимъ языческимъ религіямъ. Этотъ законъ шелъ и противъ христіанъ. Притомъ и эдикты императоровъ противъ христіанъ, колы скоро были выданы и не отмѣнены сенатомъ или послѣдующими императорами, то имѣли силу въ имперіи, — хотя послѣдующіе императоры сами вообще не дѣйствовали по нимъ; но народъ возставалъ противъ христіанъ и требовалъ ихъ казни на основаніи этихъ законовъ. — Преосвященный, замѣтивъ, что народъ руководствовался въ этомъ случаѣ суевѣріемъ, а не законами, приказалъ продолжать.

При дальнѣйшемъ чтеніи этой статьи онъ началъ нападать съ другой стороны: „къ чему эти теоріи? Надобно излагать историческіе факты“. Послушавъ еще немного, замѣтилъ: „послѣ этого будутъ оправдывать всѣхъ гонителей христіанства. Они дѣйствовали по законамъ; какъ недавно одинъ жидъ доказывалъ, что смерть на Иисуса Христа произнесена по всей справедливости законовъ“. — Я отвѣчалъ на это, что настоящее изложеніе о несообразности съ постановленіями римской имперіи допущенія вѣры христіанской не къ тому направлено, чтобы оправдывать гонителей. Напротивъ студентамъ было раскрыто, что самые законы эти должны были измѣниться отъ вліянія христіанства, и общество устроиться иначе.

Когда начали читать о вліяніи философіи на образъ мыслей о христіанахъ, преосвященный опять сдѣлалъ замѣчаніе: „все теоріи. Вы говорите о сектахъ, а о св. мученикахъ говорить не будете“? Я отвѣчалъ на это, что каждую мысль можно подтвердить подлинными словами современныхъ писателей (я разумѣлъ враговъ христіанства, писавшихъ противъ него въ то время). Знаменитѣйшіе изъ мучениковъ будутъ указываемы въ своихъ мѣстахъ. При окончаніи разсмотрѣнія нравственныхъ причинъ, владыка замѣтилъ: „вотъ вы, кажется, главное-то и упустили. Слона-то

и не примѣтили. Главною причиною гоненій противъ христіанства было языческое суевѣріе. А вы объ немъ — ни слова“.

Я отвѣчалъ на это, что объ этомъ сейчасъ будетъ сказано. Причины религіозныя поставлены въ третьемъ разрядѣ препятствій къ распространенію христіанства. — „Вашимъ разрядамъ, сказалъ владыка, конца не будетъ“.

Послѣ того продолжали спокойно до той статьи, въ которой объяснялось, какою силою христіанство препобѣждало всѣ эти разнородныя препятствія. Здѣсь владыка сдѣлалъ замѣчаніе на вторую мысль, въ этой статьѣ раскрываемую, что „эта мысль не къ одному тому времени относится, въ которомъ она поставлена, но и къ другимъ, — эта мысль общая“. — Я отвѣчалъ на это, что нужно было изложить въ лекціяхъ и эти общія мысли, чтобы въ послѣдствіи ихъ не повторять. — Владыка замѣтилъ: „въ каждомъ времени надобно указывать свое частное“. О гоненіи во время Траяна слушалъ все спокойно. Здѣсь услышалъ и о знаменитыхъ мученикахъ во время этого гоненія. Этимъ закончилось испытаніе. —

При окончаніи 15-го *курса* (1846) Филаретъ далъ одному студенту вопросъ: „не излишне ли допускать необходимость Промысла, сохраняющаго тварь, когда изъ рукъ Творца вышло все *добро зло*, съ совершенствами прочными, не требующими, по видимому, поддержки“? Не удовлетворившись объясненіями студента, Филаретъ самъ отвѣчалъ: „если бы тварь получила съ бытіемъ и такую твердость бытія, чтобы не имѣть нужды въ поддержаніи, то такое бытіе имѣло бы характеръ бытія Божескаго“. Въ томъ же курсѣ одинъ студентъ говорилъ, что спасеніе возможно только въ церкви и что внѣ ея спастися нельзя. Филаретъ возразилъ: „какъ же говорится: *во всякомъ языкѣ бояйся Бога и дѣлай правду, пріятенъ Ему есть* (Дѣян.

10,35)? “На объясненіе студента, что слово: *δεξις*, стоящее въ этомъ мѣстѣ, имѣеть смыслъ: можетъ быть принять, Филаретъ сказалъ: „это хорошо рѣшаетъ возраженіе“. При окончаніи курса въ 1850 году одинъ изъ студентовъ говорилъ о хлѣбѣ и винѣ въ Таинствѣ Евхаристіи. Филаретъ спросилъ: „а что значать слова Спасителя: *нико е ново во царствіи Божіи* (Марк. 14, 25)?“ Студентъ отвѣчалъ, что здѣсь говорится о вѣчномъ царствіи Божіемъ. Но Филаретъ на это объясненіе не согласился, и отнесъ слова Спасителя къ прославленію Его по воскресеніи, указавъ на другое изреченіе Его: *дондеже видятъ царствіе Божіе, пришедшее въ силу* (Марк. 9, 1). При окончаніи курса 1852 года одинъ студентъ читалъ изъ церковной исторіи о гоненіи Діоклитіана на церковь Христову и доведши рассказъ до сожженія храма въ Никомидіи, сказалъ: „загорѣлся храмъ въ Никомидіи“ и потомъ остановился; митрополитъ замѣтилъ: „чтожъ? онъ и теперь горитъ?“ Нѣтъ! уже давно сгорѣлъ, отвѣчалъ студентъ, и затѣмъ бойко довелъ рассказъ до конца.

По окончаніи публичныхъ испытаній въ курсовой годъ, митрополитъ, послѣ того какъ студенты пропоютъ цѣлымъ хоромъ стихъ: *буди имя Господне благословенно отнынь и до вѣка*, подходилъ къ нимъ и обращался къ нимъ съ привѣтственнымъ и наставительнымъ словомъ. Вотъ образецъ такого рода рѣчи, сказаной имъ въ 1854 году: „поздравляю васъ съ окончаніемъ учебнаго поприща и вступленіемъ на поприще службы. Вы теперь уже будете должны учить другихъ. Но помните, что изъ школы зрѣлыми мудрецами не выходятъ. Вамъ и по выходѣ отсюда нужно будетъ еще продолжать свое образованіе и умственное и нравственное. Желаю, чтобы вы на службѣ оправдали тѣ попеченія, какія объ васъ принимало здѣсь начальство. Господь да поможетъ вамъ“!

Имѣявъ виду съ одной стороны исправленіе недостатковъ по учебной части, замѣченныхъ во время академическихъ экзаменовъ, съ другой — поощреніе безукоризненнаго учебного труда, митрополитъ не оставлялъ снабжать Академію своими отзывами и замѣчаніями послѣ испытаній. Въ 1828 году въ предложеніи на имя правленія Академіи онъ писалъ: „нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя мною во время испытанія и разсмотрѣнія сочиненій студентовъ шестаго академическаго курса, не бесполезнымъ почитаю предложить академическому правленію для соображенія и руководства на будущее время. 1) По классу богословскому съ одобреніемъ усмотрѣно, что когда, по немаловременномъ продолженіи испытанія на латинскомъ языкѣ, для удобнѣйшаго занятія посѣтителей, потребовано, чтобы студенты далѣе говорили на русскомъ, они, не смотря на неожиданную перемѣну языка, продолжали излагать требуемыя истины безъ примѣтнаго затрудненія. 2) По классу философскому въ вопросахъ учащихся и въ отвѣтахъ учащихся замѣчена точность, которая, показывая, что учащіе съ особенною силою владѣютъ вниманіемъ учащихся, можетъ быть поставлена въ примѣръ нѣкоторымъ другимъ классамъ. 3) По классамъ словесности желательно видѣть болѣе указанія примѣровъ и разбора образцовъ изящной словесности. 4) По классу всеобщей исторіи разсмотрѣніе происшествій древней исторіи въ отношеніи къ Провидѣнію Божію составило занимательную часть испытанія: только по образу изложенія, который состоялъ наиболѣе въ разборѣ пророчествъ, оно едва не переходитъ изъ предѣловъ исторіи въ предѣлы герменевтики. 5) Въ разсмотрѣніи сочиненныхъ студентами проповѣдей частію замѣчена невнимательность, пропускавшая безъ замѣчанія погрѣшности, частію неумѣренное снисхожденіе, которое, осыпая похвалами слабыя сочиненія, болѣе могло прельщать, нежели поощрять сочинителей. 6) На разсужденіи о томъ, *какъ*

обращаться служителю церкви съ приговоренными на смерть, рукою о. ректора замѣчено, что сей предметъ не имѣетъ мѣста въ Россіи. Изъ сего видно, что студентъ самъ себя назначилъ предметъ разсужденія по какой нибудь иностранной книгѣ, и приступилъ къ дѣлу безъ надлежащаго руководства и утвержденія ректора. Безпорядка сего не должно попускать. 7) Нѣкоторыя сочиненія не довольно успѣвшихъ сочинителей очень длинны. Одно на примѣръ слишкомъ на 16 листахъ. Сіе болѣе изнуряетъ, нежели усовершенствуетъ малосильнаго сочинителя и затрудняетъ наставника во внимательномъ разсмотрѣніи сочиненія. Надлежитъ отъ посредственно успѣвшихъ требовать не слишкомъ обширныхъ сочиненій и тщательнымъ разборомъ и критикою оныхъ раскрывать и образовать способность къ соображеніямъ болѣе обширнымъ. 8) Нѣкоторыя сочиненія представлены въ разныхъ видахъ неоконченной работы. Нѣкоторыя безъ всякихъ признаковъ того, что были разсмотрѣны наставниками. Въ нѣкоторыхъ видна только часть сочиненія, обѣщаннаго во вступленіи. Отъ одного студента представлено два обширныхъ расположенія одного сочиненія, а самаго сочиненія нѣтъ. У одного не только разсужденіе не дописано до конца, но и послѣдній въ рукописи періодъ не дописанъ до точки. Не такъ все сіе должно быть при окончаніи курса. 9) Исполненія 181 пункта академическаго устава и слѣдовъ не видно изъ сочиненій ни въ представленныхъ *). Должно предполагать, что нѣкоторыя сочиненія утрачены въ рукахъ студентовъ. Лучше бы сохранить все для вѣрнаго отчета о состояніи классовъ. 10) Греческаго (класса) низшее отдѣленіе переводило

*) Въ 181 § академическаго устава сказано: „по окончаніи каждаго мѣсяца профессора представляютъ ректору лучшія сочиненія студентовъ, которыя онъ, разсмотрѣвъ, отдаетъ съ своими замѣчаніями, или, для выслушанія ихъ, назначаетъ приватное собраніе профессоровъ и студентовъ“.

на испытаніи стихи св. Григорія Богослова, а высшее— прозу св. Григорія нисскаго: и сіе дало низшему отдѣленію видъ большей успѣшности предъ вышшимъ. Хорошо было бы классу языка, кромѣ словеснаго испытанія, представлять къ концу курса какой нибудь, хотя небольшой, готовый переводъ, сдѣланный въ продолженіе курса, хотя впрочемъ это не обязанность“. Это предложеніе академическому правленію было препровождено отъ митрополита и въ комиссію духовныхъ училищъ, которая вслѣдствіе сего предписала правленію: „1) ректору архимандриту Поликарпу подтвердить, дабы въ исполненіи 181 § академическаго устава опущеній не было, и чтобы непременно были прекращены безпорядки, въ 5, 6, 7 и 8 статьяхъ упомянутаго предложенія изъясненные; 2) чтобы предполагаемый по 10 статьѣ онаго переводъ для студентовъ дѣланъ былъ ими къ концу курса изъ Отцевъ православной церкви; 3) профессору философіи съ его сотрудниками за особенные успѣхи по ихъ классу изъяснить отъ лица комиссіи признательность“. За курсъ передъ тѣмъ (1826), послѣ отчета о ревизіи Академіи, представленнаго Филаретомъ въ св. Синодъ, комиссія духовныхъ училищъ сдѣлала такое замѣчаніе правленію Академіи: „предписать академическому правленію, чтобы въ особенности ректоръ (ректоромъ былъ Поликарпъ) озабочился улучшеніемъ преподаванія богословскихъ наукъ, церковной и всеобщей исторіи и языковъ, такъ какъ по симъ предметамъ замѣчены преосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ недостатки“. Въ 1830 году митрополитъ въ предложеніи академической конференціи писалъ: „вслѣдствіе испытанія и разсмотрѣнія сочиненій и переводовъ студентовъ Академіи седьмаго учебнаго курса, вознамѣрясь предложить академической конференціи то, что оказывается нужнымъ для соображенія и руководства на будущее время, нахожу, что для сего должно частію

повторить то, что сказано мною при окончаніи прошедшаго курса, въ предложеніи 8 іюля 1828 года.

1) Ученіе богословія догматическаго показало нынѣ преимущественные противъ прежняго труды профессора, вознагражденные соотвѣтственными плодами. Желательно, чтобы о. ректоръ, по окончательной отдѣлкѣ, представилъ уроки свои на разсмотрѣніе начальства.

2) По герменевтикѣ разборъ небольшихъ, однѣхъ и тѣхъ же, на предварительномъ и открытомъ испытаніи, статей пророчествъ Захаріи, оказался обращеннымъ на не довольно важные предметы и не довольно занимательнымъ. Чтобы сдѣлать сей выборъ, надобно было миновать много весьма важныхъ статей въ священномъ Писаніи, до коихъ уроки герменевтики, вѣроятно, еще не касались. Отъ теории и практики герменевтики многое зависитъ въ богословскомъ ученіи. Желательно, чтобы въ слѣдующій курсъ занялся сею частію старшій изъ помощниковъ профессора богословія съ достойнымъ предмета вниманіемъ.

3) По богословію нравственному отвѣты студентовъ большею частію не свободны, и, кажется, сіе частію происходитъ отъ образа изложенія уроковъ. Надобно профессору богословія дѣятельно вникнуть въ сіе и дать симъ урокамъ направленіе, какъ можно точнѣе сообразное съ пользою учащихся.

4) Собственные труды учащихся филозофіи по тѣмъ частямъ, по коимъ достигли довольно зрѣлости, желательно, чтобы представлены были на усмотрѣніе начальства.

5) По классамъ словесности въ вышеупомянутомъ предложеніи желательными представлены двѣ вещи: примѣры и разборъ образцовъ. Опытъ послѣдняго показанъ въ конспектѣ, а первыхъ на испытаніи не показано. И такъ повторяю: желательно видѣть примѣры.

6) Повторяю и то, что въ наставническомъ разсмотрѣніи

сочиненныхъ студентами проповѣдей отчасти примѣчается невнимательность, пропускающая погрѣшности безъ исправленія, и неумѣренная снисходительность въ похвалахъ.

7) Повторяю и то, что безпорядка, состоящаго въ самовольномъ студентами избраніи предметовъ для сочиненія, безъ утвержденія наставниковъ, терпѣть не должно.

8) Настоятельно повторяю, что надлежитъ отъ посредственно успѣвшихъ въ сочиненіи требовать не слишкомъ обширныхъ сочиненій и тщательнымъ разборомъ и критикою оныхъ раскрывать и образовывать способность къ соображеніямъ болѣе обширнымъ. Ибо съ заботливостію усмотрѣно, что нѣкоторые изъ лучшихъ даже студентовъ, взявъ себѣ для диссертаций слишкомъ обширные планы, не могли привести своихъ сочиненій къ окончательной отдѣлкѣ до окончанія учебнаго курса.

9) Повторяю и то, что нѣкоторыя сочиненія представлены въ разныхъ видахъ неоконченной работы. Въ примѣръ представляю длинное разсужденіе о хилиазмѣ, въ которомъ однако рѣчь не дошла до того, чтобы сдѣлать хотя краткое разсмотрѣніе извѣстнаго мѣста Апокалипсиса, въ разумѣніи котораго лежитъ ключъ къ разрѣшенію спора о хилиазмѣ.

10) Сказанное въ выше упомянутомъ предложеніи о представленіи переводовъ начинаетъ приносить плодъ. Переводовъ съ греческаго представлено не мало, и въ числѣ ихъ есть достойное вниманія. Переводовъ съ англійскаго не успѣлъ я разсмотрѣть. Если другія занятія не позволяютъ мнѣ сдѣлать особаго распоряженія о представленныхъ мнѣ переводахъ: то о. ректору надобно будетъ вникнуть, которые изъ нихъ могутъ быть представлены для напечатанія, и которые могутъ быть сохранены до усовершенія, или до соединенія съ подобными, покуда не составляютъ цѣлаго. Остается желать, чтобы и по сему

предмету усилено было вниманіе, особенно руководителя высшаго класса за классомъ низшимъ. Напримѣръ: переведена бесѣда святаго Златоустаго о новости праздника Рождества Христова и о выведеніи времени сего событія изъ первосвященства Захаріи. Бесѣда сія можетъ быть прочтена и употреблена въ пособіе археологическаго соображенія, но для представленія ея въ переводѣ трудно поставить правильную цѣль.

Впрочемъ то, что замѣчено здѣсь для усовершенія дѣлъ Академіи, не должно обращаться въ упрекъ нынѣшнему ея состоянію, которое показываетъ прилежаніе и успѣхи студентовъ съ признаками благоповеденія, что все должно быть плодомъ благонамѣреннаго дѣйствованія и добраго примѣра начальствующихъ и учащихся“.

Препровождая конію съ этого предложенія въ комиссію духовныхъ училищъ, митрополитъ писалъ: „къ исполненію порученія комиссіи духовныхъ училищъ обозрѣть московскую духовную Академію приступилъ я мая 8 дня резолюціею, кою требовалъ представленія мнѣ на разсмотрѣніе сочиненій, приготовляемыхъ къ открытому испытанію.

Вслѣдствіе сего 30 мая представлены мнѣ два разсужденія студентовъ высшаго отдѣленія и одно студента низшаго отдѣленія. Оказалось, что сочиненія сіи неудовлетворительно отдѣланы и недостаточно исправлены: почему и возвращены академическому правленію въ слѣдующій день при предложеніи, съ котораго представляю при семъ засвидѣтельствованный списокъ.

Въ іюнѣ опять представлены мнѣ два разсужденія и опять не оказались соответственными назначенію. При семъ представляю списокъ съ резолюціи, данной мною о нихъ 9 іюня.

Прибывъ въ лавру 26 іюня, вновь немедленно потребо-

валъ я отъ ректора Академіи разсужденій. Тотчасъ представлены два: одно — о хилиазмѣ, длинное, но не окончательно отдѣланное, другое объ обѣтѣ Іефѳаея *), не очень обширное, впрочемъ соответственное назначенію. Оно въ тотъ же вечеръ послано для напечатанія и потомъ читано на открытомъ испытаніи. Экземпляръ онаго при семъ представляется. Дабы изъ вышеозначенныхъ неудачныхъ опытовъ комиссія духовныхъ училищъ не заключила о недостаточной успѣшности студентовъ, не излишнимъ считаю присовокупить, что сочиненіе, удостоенное напечатанія, представлено мнѣ было въ рукописи студента съ весьма немногими и небольшими поправками ректора и едва потребовало исправленія нѣсколькихъ словъ отъ меня.

Предварительныя испытанія студентовъ Академіи кончены были до меня, и составленъ предварительный разрядный списокъ. Дабы повѣрить оный лично, съ большею свободою, нежели на открытомъ испытаніи, держаны мною два академическія собранія, 27 и 28 дня. Засвидѣтельствованные списки съ журналовъ академическаго правленія о сихъ собраніяхъ при семъ прилагаются.

2-го и 3-го іюля происходило открытое испытаніе студентовъ Академіи. Конспектъ онаго при семъ прилагается.

7-го и 8-го іюля держаны собранія конференціи для окончательной повѣрки разряднаго списка, къ чему было между прочимъ употреблено разсматриваніе сочиненій, писанныхъ студентами на испытаніи и въ продолженіи учебнаго курса. Засвидѣтельствованные списки съ журналовъ сихъ засѣданій при семъ прилагаются. Окончательный же разрядный списокъ имѣетъ представить Академія.

За симъ, что представилось нужнымъ предложить Академіи для соображенія и руководства, предложено мною

*) Студента Александра Нечаева.

конференціи 12 дня, по возвращеніи уже моемъ въ Москву. При семъ представляю списокъ съ сего предложенія, показывающаго настоящее состояніе Академіи, а также и засвидѣтельствованный списокъ съ предложенія моего академическому правленію іюля 8, 1828 г., на которое часто ссылаюсь я въ нынѣшнемъ предложеніи конференціи.

Что сказано мною въ заключеніи предложенія конференціи, то свидѣтельствую и предъ комиссіею духовныхъ училищъ, именно, что замѣчанія, сдѣланныя мною къ усовершенію дѣлъ Академіи, не дѣлають предъосужденія настоящему ея состоянію. Испытаніемъ и разсмотрѣніемъ сочиненій студентовъ довольно доказана ихъ прилежность и успѣшность и въ особенности достоинство тѣхъ, которые избраны въ степень магистра. Что касается до замѣченнаго несовершенства въ отдѣлкѣ и цензурѣ нѣкоторыхъ сочиненій, готовленныхъ къ испытанію: сіе происходитъ должно отъ той ошибки, что допущено взять для сихъ сочиненій слишкомъ обширные планы; отъ сего не успѣли обработать оныхъ заблаговременно; а когда я потребовалъ сихъ сочиненій заранѣе до испытанія, то произошла и въ отдѣлкѣ и въ цензурѣ торопливость, а отъ нея видъ не исправности.

Въ 1836 году митрополитъ писалъ въ св. Синодъ по комиссіи духовныхъ училищъ: „для усмотрѣнія состоянія учебной части былъ я дважды на предварительныхъ испытаніяхъ Академіи и на публичномъ въ первый день онаго; во второй же день послѣдняго не могъ быть по болѣзненному состоянію. За тѣмъ въ домѣ занимался съ членами академической конференціи разсматриваніемъ сочиненій студентовъ и повѣркою разрядныхъ списковъ. И мною, и другими, и между прочимъ депутатомъ конференціи по богословскому испытанію, членомъ ея, кафедральнымъ протоіереемъ Арсеніемъ Тяжеловымъ замѣчено, что

въ студентахъ окончившагося нынѣ учебнаго курса, сравнительно съ предыдущимъ, замѣчается болѣе способностей и зрѣлости въ познаніяхъ. Сіе побудило меня согласиться и на то, что число представляемыхъ конференціе къ степени магистра на сей разъ нѣсколько болѣе, нежели прежде“.

Мы видѣли, какое строгое вниманіе обращалъ митрополитъ на сочиненія студентовъ, представляемыя къ полученію ученой степени. Но сочиненія, предназначенныя для чтенія на публичномъ испытаніи, а еще болѣе къ напечатанію, подвергались предварительно еще болѣе строгой критикѣ со стороны митрополита. Недосмотры, допущенные въ сочиненіи, ставились въ вину и читавшему и ректору Академіи: многое митрополитъ самъ исправлялъ, но болѣею частію требовалъ исправленія отъ Академіи. Представляемъ нѣсколько случаевъ. Въ 1828 году ректоръ Полицарій представилъ митрополиту два студентскія разсужденія: одно—*іеродіакона Евграфа* „объ основномъ началѣ христіанской дѣятельности“; другое—*Ивана Бого-словскаго*: „о праздникахъ первенствующей церкви“. Получивъ ихъ, митрополитъ написалъ слѣдующее предложеніе на имя внутренняго академическаго правленія: „сего іюня 9 дня получены мною отъ о. ректора Академіи два разсужденія, предназначаемыя имъ для напечатанія къ предстоящему открытому испытанію. Одно изъ нихъ: *о праздникахъ первенствующей церкви*. Предупреждая, сколько отъ меня зависитъ, послѣдствія медленности, я тотчасъ приступилъ къ разсмотрѣнію сего сочиненія и нашелъ оное не только слабо обдуманымъ и слабо писаннымъ, но и слабо цензорованнымъ. Посему поспѣшаю предложить академическому правленію слѣдующее: 1) замѣчанія, сдѣланныя мною, поколику время позволило, на первую часть сего сочиненія, объявить сочинителю и тре-

бовать, по сему образцу, исправленія всего сочиненія.— 2) Если бы было достаточно исправлено: о. ректору съ помощниками своими по классу богословскому, вновь процenzоровать оное тщательно.— 3) Препровождаемый при семъ экземпляръ сего сочиненія съ поправками рукою о. ректора и съ замѣчаніями, моею рукою писанными, сохранить въ цѣлости при дѣлахъ правленія на случай востребованія высшимъ начальствомъ (іюня 10)“. Сочиненіе Евграфа къ напечатанію было одобрено митрополитомъ, а другое осталось въ рукописи. Въ 1830 году 8 іюня ректоръ Поликарпъ представилъ митрополиту приготовленные для чтенія на открытомъ испытаніи два сочиненія: 1) *Ивана Смирнова*—объясненіе и защищеніе правильности приложенія св. евангелистомъ Матѳеемъ къ Іисусу Христу пророчества Исаи (гл. 7, ст. 14); 2) *Іеродіакона Филарета* (въ послѣдствіи архіепископа черниговскій)—о духѣ и свойствахъ христіанскаго мученичества. Ректоръ въ представленіи писалъ между прочимъ, что „оба сіи сочиненія окончены, пересмотрѣны и по возможности очищены отъ погрѣшностей“. На представленіи митрополитъ далъ такую резолюцію: „іюня 9. Ни того, ни другаго разсужденія не могу признать достаточно приготовленными, ни для напечатанія, ни для прочтенія въ публичномъ собраніи. Разсужденіе о мученичествѣ и теперь безконечно обширно, и какъ въ отношеніи къ логикѣ, такъ и въ отношеніи къ словесности, слабо. Это—принужденное скопленіе словъ и выраженій, историческихъ обстоятельствъ, выписокъ, а не систематическое произведеніе ума, котораго бы всѣ части были направлены къ опредѣленной цѣли. Я прочиталъ около половины онаго (дочитать не имѣю ни времени, ни терпѣнія), но не встрѣтилъ еще ничего, что прямо и съ силою было бы направлено къ указанной во вступленіи цѣли, то-есть къ защищенію мученичества отъ нареканій.

Послѣ неопредѣленнаго и утомительнаго разсказа о гоненіяхъ іудейскихъ, римскихъ, персидскихъ, магометанскихъ, російскихъ—поставлено восклицаніе: *таково начало и происхожденіе мученичества!* Маккавеи *предготовили* (сіе слово написалъ о. ректоръ) *ветхозавѣтную церковь къ таковымъ же подвигамъ въ новозавѣтной церкви*. На чтожь было готовить ветхозавѣтную церковь къ такимъ подвигамъ, которые не въ ней, а въ послѣдующей за нею новозавѣтной церкви совершиться должны? Мнѣ кажется, это не значитъ очищать сочиненіе отъ погрѣшностей. Сочиненіе о пророчествѣ: *се Дѣва*, при подобномъ несовершенствѣ, неудобно для чтенія въ собраніи потому, что въ немъ много сухаго филологическаго разбирательства словъ, отъ котораго слушатель, знающій еврейскій языкъ, скучится, а не знающій задремлетъ. Убѣждаю о. ректора между другодовыми упражненіями студентовъ отыскать къ открытому испытанію хотя небольшое разсужденіе, но достойное вниманія слушателей. Впрочемъ ни мало не возбраняется представить оба разсужденія, о коихъ здѣсь говорено, комиссіи духовныхъ училищъ на ея усмотрѣніе“ *).

Въ 1836 году митрополитъ писалъ ректору Академіи Филарету: возвращаю вамъ разсужденіе *о толкованіи священнаго Писанія по теоріи приспособленія*. Самая тема изложена неудачно, такъ и далѣе. Говорить о семъ на русскомъ не безопасно, чтобы, вмѣсто разрѣшенія возникшихъ сомнѣній, не пробудить сомнѣній, которыхъ не знали. И если бы рѣшиться говорить: то надобно не такъ, какъ въ семъ разсужденіи. Сочинитель и противниковъ невѣрно изображаетъ, и отвѣчаетъ имъ неудовлетворительно. Надлежало бы говорить о семъ ближе къ примѣрамъ: разсуж-

*) Дѣл. акад. правл. 1830 г. № 121.

денія болѣе общія, болѣе невольно приходятъ. Останавливаюсь, чтобы послать. Разсужденіе о постахъ читаю и скажу о немъ впредь“ *).

Вслѣдъ за этимъ письмомъ ректоръ получилъ отъ митрополита другое письмо съ рецензією на магистерское сочиненіе о постахъ православной церкви. Митрополитъ писалъ: „въ разсужденіи о постахъ не нравится мнѣ вступленіе. Что это такое, что всякой юноша ставитъ себя защитникомъ церкви противъ ея враговъ? Для юноши не скромно, для церкви оскорбительно и цѣли сочиненія не благопріятно. Прежде нежели назидаете ученіемъ о постѣ, вы уже смущали читателя мнѣніемъ, что его отвергають и что онъ требуетъ вашей защиты. Не простѣ ли было бы начать тѣмъ, что нѣкоторые, соблюдая посты, не довольно знаютъ начало и важность сего установленія, а другіе, не довольно зная сіе, позволяютъ себѣ небреженіе о семъ установленіи, и потому надобно показать истину, чтобы вразумить невѣдущихъ и возбудить небрежныхъ?“.

„Свидѣтельства о постѣ собраны хорошо; но не вездѣ хорошо употреблены. Говорить, что постъ есть *учрежденіе апостольское*, и что онъ утвержденъ Димитріемъ и Викторомъ на соборѣ, значитъ противорѣчить себѣ, если не объяснить сего тѣмъ, что апостольское учрежденіе было въ примѣрѣ, а не въ писанномъ правилѣ, и потому подверглось разнообразію въ исполненіи. Подобная борьба свидѣтельствъ между собою не разъ встрѣчается. Въ одной статьѣ говорится, что постъ составляетъ семь недѣль, безъ субботныхъ и воскресныхъ дней, и что сорокъ дней кончатся прежде страстной седмицы; и даже не сказано, что это два разные счета. Въ одномъ примѣчаніи мясоестіе

*) Чтен. въ общ. люб. дух. просвѣщ. 1871. Декабрь. Письмо отъ 16 сентября.

сырной недѣли осуждается, и постъ среды и пятка сей недѣли называется еретическимъ; справедливо и то и другое: но надлежало сказать о семъ такъ, чтобы не было вида сбивчивости и противорѣчія. Непощеніе въ воскресные и суботные дни требуетъ объясненія: чтобы не вздумали ѣсть мясо въ четырехдесятиницу. Чтобы въ постъ прекращаемы были *всѣ домашнія упражненія*, это не походить на дѣло; и даже странно, что сочинитель сказалъ сію странность и не позаботился о доказательствѣ. На одной страницѣ, Златоустъ опредѣляетъ три поста, а Левъ четыре: и сіе разсказывается такъ, какъ будто тутъ нѣтъ никакого разнорѣчія. Вскорѣ приводится въ примѣчаніи свидѣтельство Іеронима, гдѣ мнѣніе о трехъ четырехдесятиницахъ приписывается монтанистамъ: и сочинитель не позаботился, чтобы св. Златоуста отличить отъ монтанистовъ. Что празднованіе Успенію Божіей Матери *учреждено* при Маврикіи, не самоправно ли сказано? Легко ли вдругъ опредѣлить никогда неизвѣстный праздникъ? Не вѣроятнѣе ли, что онъ праздновался и прежде по преданію, но или не повсемѣстно, или не съ полнымъ уваженіемъ, и отъ того подтвержденіе, которое вы называете новымъ учрежденіемъ?

„Что за слово: *годовой*? *Седмичный* говоримъ отъ слова: *седмица*. Неужели *годовой* отъ *годича*? Отъ *года* *годовой*.“

„*Годичныя времена!* Что такое? И среда и пятокъ развѣ не годовыя времена, какъ заключающіяся въ году, подобно четырехдесятиницамъ? Надобно говорить опредѣленіе.“

„Преосвященный викарій *) справедливо замѣчаетъ, что лучше бы не пропустить посты 29 августа, 14 сентября и 5 января.“

*) Преосвященный Исидоръ, бывшій митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

„Конецъ слова: разсужденіе богато свидѣтельствами и будетъ очень хорошо, и можетъ быть напечатано съ пользою, если исправятся недоговорки и несоображенія сочинителя“ *).

Весьма любопытнымъ представляется ходъ дѣла по изданію разсужденія студента X курса (1836 г.), Николая Руднева „о ересьяхъ и расколахъ въ русской церкви.“ Ходъ дѣла былъ слѣдующій: государственный канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ въ 1817 году обращался къ Августину архіепископу московскому съ предложеніемъ, чтобы „дать на изслѣдованіе студентамъ московской духовной Академіи задачу о ересьяхъ, возникшихъ въ российской церкви со временъ великаго князя Владиміра до вступленія на престолъ царя Ивана Васильевича“. Въ награду за сочиненіе, если оно окажется удовлетворительнымъ, графъ назначилъ 35 червонцевъ. Сочиненіе по желанію графа должно было быть представлено на разсмотрѣніе въ петербургскую духовную Академію и срокомъ представленія назначенъ апрѣль 1820 года. Въ то же время графъ просилъ новгородскаго митрополита Амвросія, чтобы онъ предложилъ студентамъ петербургской духовной Академіи, за подобную же награду, написать изслѣдованіе о всѣхъ российскихъ соборахъ, бывшихъ со временъ в. кн. Владиміра до царя Ивана Васильевича, и сочиненіе на этотъ предметъ назначалъ рассмотреть московской Академіи. При отношеніи отъ 28 ноября 1819 года, графъ прислалъ на имя Серафима, митрополита московскаго, 35 червонцевъ,

*) Письмо отъ 17 сентября 1836 г. въ Душенел. Чтеніе. 1868 г. Май. По полученіи печатнаго экземпляра этого сочиненія митрополитъ писалъ ректору (отъ 6 мая 1837): „за сочиненіе о постахъ благодарю. Нѣкоторые, и кромѣ меня, приняли оное хорошо“. Душенелез. Чтеніе. 1868 г. Ноябрь. — Нужно замѣтить, что сочиненіе о постахъ до такой степени передѣлано было ректоромъ Филаретомъ, что онъ по справедливости можетъ считаться его авторомъ.

которые и переданы имъ въ правленіе московской Академіи съ предписаніемъ о надлежащемъ исполненіи желанія благодѣлителя. Въ февралѣ 1820 года ректоръ Кириллъ писалъ графу, что „означенная задача по причинѣ послѣдовавшаго вскорѣ выпуска студентовъ изъ Академіи къ училищнымъ должностямъ, по перемѣнѣ начальствующихъ и учащихся, а наипаче по недостатку въ пособіяхъ для сего нужныхъ, не могла быть изготовлена“, потому просилъ графа объ отсрочкѣ термина оному сочиненію еще на годъ. Графъ Румянцевъ отвѣчалъ, что „отъ моск. дух. Академіи зависить отсрочить на годъ и болѣе, ежели сочтетъ приличнымъ, рѣшеніе данной задачи“. Однако отсрочка дѣла пошла на долго: изъ дѣлъ академическихъ не видно, чтобы до 1834 года поручаемо было студентамъ московской Академіи изслѣдованіе о ересьяхъ въ русской церкви: есть только свѣдѣніе, что въ 1827 году червонцы переложены были на ассигнаціи (401 р. 85 коп.) и внесены въ сохранную казну для приращенія процентами. Графъ Румянцевъ уже скончался (въ январѣ 1826). Въ сентябрѣ 1834 года вслѣдствіе представленія правленію инспектора Академіи іеромонаха Филарета (послѣ архіепископа черниговскаго), дѣло получило движеніе, и изслѣдовать задачу на премію Румянцева поручено студенту высшаго отдѣленія Николаю Рудневу. Въ январѣ 1836 года, когда митрополиту представленъ былъ отъ правленія Академіи экономическій отчетъ за 1835 годъ, и когда правленіе спросило его, нужно ли записывать въ отчетъ преміальныя деньги графа Румянцева, митрополитъ далъ резолюцію: „деньги, которыхъ не видно по книгамъ и отчетамъ, могли быть забыты: ибо архивъ не кричитъ о томъ, что въ немъ есть. Предлагаю академическому правленію деньги показывать по книгамъ и отчетамъ“ *).

*) Журнал. правл. 1836, январ. 14.

что окончилъ курсъ, сочиненіе его *о ересьяхъ и расколахъ* въ русской церкви до царя Іоанна Васильевича было представлено въ конференцію, и согласно съ волею завѣщателя и съ соизволенія митрополита Филарета отправлено 30 августа на разсмотрѣніе въ конференцію петербургской духовной Академіи. Въ январѣ слѣдующаго 1837 года разсужденіе Руднева (который между тѣмъ въ это же время опредѣленъ былъ на должность бакалавра въ московскую Академію), возвращено было изъ петербургской Академіи съ мнѣніемъ разсматривавшаго это сочиненіе профессора церковной исторіи, протоіерея Іоакима Кочетова. Въ отзывѣ Кочетова сказано между прочимъ: „сочинитель всѣ заблужденія, спорныя мнѣнія, ереси и расколы, какія бывали въ нашей церкви отъ самаго ея основанія до царя Іоанна IV Васильевича, изложилъ по порядку, какъ оныя одинъ за другими появлялись. Матеріалы для своего сочиненія собиралъ онъ старательно и собралъ ихъ довольно много, такъ что трудолюбіе его въ семъ отношеніи заслуживаетъ полное одобреніе. Онъ старался раскрыть предметы, имъ описанные, въ такой полнотѣ, какую дать имъ дозволяли тѣ источники, изъ которыхъ почерпалъ онъ свои свѣдѣнія. Съ довольною основательностію доказываетъ онъ, что нѣкоторые изъ нашихъ заблужденій пришли къ намъ изъ сосѣдственныхъ странъ христіанскихъ, и подробностями, какія тамъ о нихъ извѣстны, проясняетъ ту темную краткость, въ каковой оныя представляются въ нашихъ лѣтописяхъ. Вообще сочинитель имѣетъ взглядъ на свой предметъ довольно вѣрный, обозрѣлъ оный съ глубокомысліемъ и сужденія свои о немъ изложилъ съ довольною отчетливостію. Но представляется довольно страннымъ, что сочинитель, не сказавъ предварительно никакихъ общихъ мыслей, относящихся къ сущности изложеннаго имъ предмета, не показавъ ни цѣли, ни плана своего

сочиненія, не давъ понятія объ источникахъ, которыми пользовался, — вдругъ начинаетъ писать объ Адрианѣ и Дмитрѣ. При томъ онъ исключилъ изъ своего разсужденія являвшихся въ Россіи волхвовъ, и исключилъ потому, что они были „язычествовавшіе христіане, а не еретики, ни раскольники“. Но если въ его разсужденіи получили мѣсто жидовствующіе христіане, то, кажется, не слѣдовало исключать изъ онаго и язычествовавшихъ христіанъ. Сверхъ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія примѣтны недостатки въ правильности и чистотѣ языка. Посему желательно, чтобы сочинитель, для полноты и совершенства своего сочиненія, написалъ приличное введеніе, чтобы далъ мѣсто въ своемъ сочиненіи волхвамъ, бывшимъ въ российской церкви, и изложивъ ихъ ученіе, показалъ происхожденіе онаго, какъ онъ дѣлалъ со всѣми заблужденіями, въ сочиненіи его описанными, и наконецъ, чтобы снова тщательно пересмотрѣлъ свое сочиненіе и очистилъ оное отъ недостатковъ касательно слога. Что касается до того, заслуживаетъ ли сочинитель премии графа Румянцева, то поелику доселѣ не было и теперь нѣтъ въ виду соперника, которой бы оспаривалъ у него сію награду, и поелику онъ свое сочиненіе написалъ съ достаточною полнотою и основательностію: то я не нахожу причинъ лишить его искомой награды, особенно если исправить замѣченные недостатки.“ Конференція петербургской Академіи согласилась съ мнѣніемъ своего рецензента.

Вслѣдствіе сего разсужденіе возвращено Рудневу (5-го февраля 1837 года) для исправленія и пополненія. Въ апрѣлѣ того же года оно въ исправленномъ видѣ представлено въ конференцію московской Академіи, которая постановила представить это сочиненіе на благоразсмотрѣніе митрополита и просить у него дозволенія напечатать оное на академическія суммы, а автору выдать премию

графа Румянцева. На представленіи о семъ митрополитъ написалъ: „при первомъ взглядѣ встрѣчаю требующее пересмотра. *Должно быть продолжалъ дѣйствовать:* что это за грамматика? *Русская церковь богата расколниками:* неприличная насмѣшка. Въ 69 правилъ апостольскомъ вмѣсто: *да извержется* поставлено: *да отвержется* вопреки смыслу правила. О хожденіи посолонъ сказано: *трудно рѣшить эту премудрую задачу.* Площадный и насмѣшливый тонъ Библиотеки для Чтенія не годится для разсужденія московской Академіи о предметахъ церковныхъ. Что нужды также перемѣнять наименованіе греко-россійской и россійской церкви и говорить въ угодность нѣкоторымъ журналистамъ: греко-русская и русская церковь? Доложить на мѣстѣ“. Резолюція дана 11 мая. Доложить на мѣстѣ—это значило, когда митрополитъ пріѣдетъ въ лавру. Здѣсь 6 іюля онъ приказалъ ректору Академіи Филарету передать сочиненіе бакалавру Рудневу съ тѣмъ, чтобъ, пересмотрѣвъ и исправивъ его, онъ представилъ оное ректору Академіи на разсмотрѣніе, а ректоръ послѣ того долженъ представить оное лично митрополиту. На рождественскихъ праздникахъ ректоръ былъ въ Москвѣ, и лично объяснилъ митрополиту, что сочиненіе исправлено. Въ половинѣ января 1838 года конференція опредѣлила сдать разсужденіе въ московскій комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ для разсмотрѣнія и одобренія къ напечатанію. Оно поступило на разсмотрѣніе профессора, священника Петра Делицына, который одобрилъ оное къ напечатанію *) и въ половинѣ февраля оно отправлено въ

*) Вотъ мнѣніе цензора: „въ семъ сочиненіи благонамѣренно и съ достаточною основательностію изслѣдовано происхожденіе неправыхъ ученій и толкованій, появившихся въ русской церкви до временъ Іоанна Грознаго, а также обстоятельно изложена исторія какъ самыхъ лжеученій, такъ и мѣръ, какія употребляемы были къ ихъ обнаруженію, обличе-

московскую синодальную типографію для отпечатанія въ количествѣ 1800 экземпляровъ. Между тѣмъ во второй половинѣ марта, получивъ отчетъ цензурнаго комитета о рукописяхъ, разсмотрѣнныхъ въ февралѣ, митрополитъ написалъ резолюцію: „если разсужденіе о расколахъ хотятъ печатать: то прежде напечатанія показать мнѣ“. Типографія уже отпечатала пять корректурныхъ полулистовъ — и эти полулисты вмѣстѣ съ полною рукописью доставлены были митрополиту. На представленіи академическаго правленія митрополитъ написалъ (4 мая): „печатное исправлять поздно. Я боленъ и едва могу читать немного. Посему возвратить для продолженія дѣла въ надеждѣ на осторожность цензуры и академическаго правленія.“ Въ силу сего конференція постановила: 1) разсужденіе и печатные полулисты онаго поручить разсмотрѣть со всею тщательностію ректору Академіи. 2) По тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи препроводить оное для продолженія печатанія въ синодальную типографію. 3) А дабы скорѣе отпечатано было разсужденіе, то примѣчанія къ оному препроводить особо для напечатанія въ типографію московскаго университета. Сентября 30 выданъ изъ цензурнаго комитета билетъ на выпускъ книги. Когда печатный экземпляръ представленъ былъ митрополиту, онъ нашелъ въ сочиненіи много недосмотровъ, и въ ноябрѣ (9) потребовалъ отъ академическаго правленія, чтобъ ему представлена была вѣрная выписка изъ дѣлъ, когда была предложена покойнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ студентамъ московской Академіи задача о ересьяхъ и расколахъ россійской церкви, въ чемъ состояла премія, кто сочинялъ разсужденіе о ересьяхъ, какъ

нію и искорененію государями и духовенствомъ. Посему заключаю, что сочиненіе сіе на основаніи ст. 203 устава о цензурѣ можетъ быть пропущено къ напечатанію. 15 февраля 1838 года“. (Дѣла духов. цензур. комит. 1838 г. № 7.)

приступлено къ напечатанію онаго, на какую сумму оно напечатано, и выдана ли сочинителю премія. На представленіи съ выпискою о ходѣ всего дѣла митрополитъ далъ резолюцію: „1) Деньги преміи не выдавать впредь до усмотрѣнія. Онѣ надобны на покрытіе издержекъ по печатанію. 2) Академическому правленію замѣчается, что не слѣдовало пускаться на столь запутанное распоряженіе денегъ и на взятіе въ заемъ академической суммы, и при томъ безъ утвержденія. Настоятельно подтверждается впредь быть осмотнительнѣе“. Въ то же время митрополитъ прислалъ на имя академической конференціи предложеніе слѣдующаго содержанія: „1) Разсужденіе о ересьхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви, рассмотреть вновь и представить съ мнѣніемъ. 2) Обратитъ вниманіе на цензора профессора священника Делицына, одобвившаго сію книгу, можетъ ли онъ по должности цензора пользоваться довѣріемъ начальства, и въ заключеніе сего рассмотреть по уставу духовной цензуры. 3) Между тѣмъ немедленно взять книгу въ храненіе и строгій присмотръ конференціи, съ предосторожностію, чтобы она отнюдь не была распространяема впредь до усмотрѣнія“. На другой же день по полученіи этой резолюціи, профессоръ Делицынъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности цензора, мотивируя это тѣмъ, что „дальнѣйшее прохожденіе должности цензора находитъ для себя несовмѣстнымъ съ надлежащимъ исполненіемъ другихъ его обязанностей по должностямъ профессора математики и наставника французскаго языка при Академіи, а также и по другимъ академическимъ порученіямъ“. Прошеніе это до времени было оставлено митрополитомъ безъ движенія. Между тѣмъ тогда же начались собранія конференціи для рассмотрѣнія книги Руднева. Въ первое засѣданіе (25 ноября) прочитано было до изложенія ереси жидовствующихъ и „ничего тре-

бующаго исправленія не найдено“. При дальнѣйшемъ чтеніи (27 и 29 числа) найдено нужнымъ сдѣлать по мѣстамъ нѣкоторыя пополненія и измѣненія въ книгѣ, напр. на стр. 223 объ отношеніи церкви къ государству, на стр. 226 о чистилищѣ и индульгенціяхъ; но всего болѣе показались требующими исправленія слѣдующія два мѣста въ книгѣ, указанныя самимъ митрополитомъ на стр. 216: „который въ XI вѣкѣ раздѣлилъ и доселѣ раздѣляетъ единую соборную и апостольскую церковь на церковь восточную и западную, на греческую и римскую“ *). Конференція опредѣлила исправить это мѣсто такъ: „который въ XI вѣкѣ отдѣлилъ и доселѣ отдѣляетъ отъ единой соборной и апостольской церкви — церковь западную, римскую“. Другое мѣсто, на которое обратилъ вниманіе митрополитъ, читалось въ такомъ видѣ на стр. 224: „нельзя отвергать пользы и важности преданій, но и нельзя доказывать совершенной ихъ необходимости, потому что св. Писаніе заключаетъ въ себѣ все, необходимое для нашего спасенія. Преданія суть второстепенный, вспомогательный источникъ христіанской религіи. Что же касается въ частности до преданій римской церкви, то многія изъ нихъ очевидный вымыселъ ума человѣческаго“. Относительно этихъ двухъ мѣстъ конференція потребовала отъ цензора (29 ноября) объясненія, на какомъ основаніи онъ ихъ пропустилъ къ напечатанію. Относительно перваго мѣста цензоръ объяснилъ, что пропустивъ неточныя выраженія о св. церкви, онъ съ сими выраженіями не соединялъ неправославной мысли; къ этому цензоръ въ свое оправданіе присовокупилъ, что выраженіе о раздѣленіи единой соборной и апостольской церкви на

*) Въ связи съ предыдущимъ это мѣсто читалось такъ: въ церкви римской очень рано сталъ проявляться духъ преобладанія надъ другими церквами. Все болѣе и болѣе усиливался, сей духъ наконецъ былъ причиною того великаго раскола, который... и т. д.

церковь восточную и западную одобрено имъ въ сочиненіи Руднева на томъ основаніи, что въ учебной книгѣ преосв. Иннокентія, т. е. въ его начертаніи церковной исторіи послѣ библейскихъ временъ (період. IV, вѣкъ IX) встрѣчается выраженіе: *церковь раздѣленная*. При томъ это неточное выраженіе въ самомъ разсужденіи исправляется непосредственно слѣдующимъ точнымъ выраженіемъ: „сначала два мѣстѣ отдѣляли церковь западную отъ восточной“. Относительно втораго мѣста цензоръ между прочимъ писалъ: „о преданіяхъ сказано, что нельзя доказать совершенной необходимости оныхъ. Сихъ словъ не могъ я принять въ томъ значеніи, что члены церкви имѣютъ право по произволу и ненаказанно отвергать преданія, или даже повѣрять оныя собственнымъ своимъ судомъ, а не общимъ судомъ святыя церкви; ибо таковое значеніе несовмѣстно съ прочими выраженіями, какія сочинителемъ разсужденія употреблены о преданіяхъ. Но разумѣлъ я оныя въ томъ единственно смыслѣ, что какъ изъ церковныхъ историческихъ книгъ извѣстно, нѣкоторые обычаи и чиноположенія въ различныхъ мѣстахъ и церквахъ были и бываютъ измѣняемы, но единство вѣры и единомысліе въ догматахъ остаются неизмѣнными (царск. и патр. грамот. о учрежд. св. Синода, стр. 20), и св. церковь готова принять и приѣмлетъ иногда въ нѣдра свои и таковыхъ, которые содержатъ нѣкоторыя преданія неодинаково съ нею, предоставляя времени и преимущественно особенному дѣйствію благодати привести ихъ въ совершенное согласіе. Примѣромъ тому служатъ единовѣрческія церкви. Посему замѣчаніе сочинителя разсужденія объ условной необходимости преданій казалось мнѣ особенно дозволительнымъ въ настоящемъ мѣстѣ, гдѣ сочинитель приступаетъ къ обличенію неправыхъ преданій римской церкви. Ибо если православная церковь иногда не отсѣкаетъ отъ общенія съ собою

не соблюдающихъ вполнѣ ея достоуважаемыхъ преданій, то тѣмъ менѣе была въ правѣ церковь римская отдѣлиться отъ единенія съ святою церковію изъ привязанности къ преданіямъ, противнымъ священному Писанію“ *).

Препровождая митрополиту журналы по сему дѣлу, конференція относительно пропущеннаго цензоромъ мѣста о преданіяхъ, выразилась такъ, что неосторожность цензора не заключаетъ въ себѣ умышленности и допущена имъ въ первый разъ. вмѣстѣ съ тѣмъ конференція постановила: 1) перепечатать тѣ мѣста въ книгѣ, кои признаны требующими перемѣны; 2) сдѣлать строгое замѣчаніе священнику Делицыну, что онъ не имѣлъ должной внимательности къ своему дѣлу, и страницы 223 и 224 перепечатать на его счетъ. Кромѣ этихъ страницъ назначены къ перепечатанію стр. 216 и 226. Отдѣленіе о преданіяхъ рѣшено совсѣмъ выпустить. Исправленія сдѣланы самимъ ректоромъ Филаретомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлялъ и профессоръ А. В. Горскій, котораго текстъ пополнялъ и измѣнялъ ректоръ. Когда журналы конференции вмѣстѣ съ проектомъ исправленія были представлены митрополиту, онъ написалъ въ письмѣ ректору Филарету (отъ 10 января 1839 года): „скучно мнѣ, что не находится легкаго способа развязать дѣло о книгѣ. Вы въ оправданіе ссылаетесь на книги, писанныя почти за тридцать лѣтъ назадъ челоувѣкомъ, который тогда былъ гораздо неопытнѣе васъ и учился самоучкою: симъ образомъ, если угодно, можете имѣть совиноваго, но не оправданіе. Пора вамъ исправить то, что прежде недосмотрѣно людьми, которымъ предшественники глаза закрывали. Св. Синодъ не утверждалъ официально ни церковной библейской исторіи, ни церковной послѣ библейскихъ временъ, а издала ихъ коммиссія

*) Дѣл. акад. конференц. 1838 г. № 13.

духовныхъ училищъ. Послѣ-библейская, безъ сомнѣнія, у библейской заимствовала выраженіе: *раздѣленная церковь* *). Сочинителю библейской некогда было пересматривать свой давній трудъ, а преподаватели по сей книгѣ брели до сихъ поръ по чужому слѣду, не разсуждая, хотя имъ о семъ часто напоминали. Вы богословы по наряду лучше бы сдѣлали, если бы не заставляли другихъ болѣе васъ занятыхъ дѣлывать дѣло вашей обязанности. Ваше замѣчаніе противъ замѣчаній заставило меня пересматривать книгу, и я не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать новыхъ замѣчаній; только прерванъ былъ, прочитавъ часть книги. Посылаю листокъ на жертву вашей полемики. Не пересмотрѣвъ всей книги, не знаю еще, что сказать рѣшительно. Только вижу, что поправки надобно сдѣлать больше, нежели вы предполагали. Не пришлете ли мнѣ о семъ другаго проекта? **). Тотъ же взглядъ на дѣло и тѣ же требованія высказалъ митрополитъ путемъ официальнымъ, положивъ на журналахъ конференціи слѣдующую резолюцію (мартъ 1839 года): „невнимательность и недосмотръ цензора, хотя не оправданіе, но снисхожденіе заслуживаетъ, частію потому, что книга предъубѣждала его въ свою пользу даннымъ уже ей одобреніемъ отъ конференціи с.-петербургской духовной Академіи, частію потому, что пропущенное имъ неточное выраженіе видѣлъ допущеннымъ въ классической книгѣ, хотя впрочемъ справедливо было бы разсудить, что классическія книги, писанныя людьми самоучившимися по тѣмъ предметамъ, въ разные годы ихъ занятій, во времена меньшей взыскательности за строгую точность, не должны усыплять дѣятельности нынѣшнихъ ученыхъ. Учинить слѣдующее: 1) Настоя-

*) Митрополитъ указываетъ здѣсь на выраженіе, встрѣчающееся во введеніи къ его библейской исторіи.

**) Письмо въ Душешол. Чтеніи 1870 г. Іюнь. Стр. 62, 63.

тельно изъяснить цензору, что вредъ недосмотровъ въ семь дѣлѣхъ простирается на читателей, и, что также весьма важно, на мнѣніе о достоинствѣ духовныхъ училищъ и образованнаго духовенства, и подтвердить о соблюденіи всевозможной точности и осторожности въ дѣлѣ цензуры. 2) Погрѣшительныя мѣста въ книгѣ перепечатать. Но представленный проектъ исправленія неудовлетворителенъ. Представить новый по просмотрѣ всей книги“. Въ то же время на представленіи о увольненіи профессора Делицына? согласно его прошенію, отъ должности цензора, митрополитъ написалъ: „отложить до дальнѣйшаго усмотрѣнія, не найдетъ ли возможнымъ совмѣстить должность цензора съ прочими безъ упущенія“.

Въ маѣ 1839 года, вслѣдствіе приказанія митрополита, конференція вновь подвергла разсмотрѣнію книгу Руднева и составила новый проектъ исправленія. Проектъ этотъ былъ одобренъ митрополитомъ. Отъ 10-го іюля онъ писалъ къ А. Н. Муравьеву: „думаю, что на сихъ дняхъ pošлю вамъ проектъ исправленія погрѣшительныхъ мѣстъ въ книгѣ о ересьхъ и расколахъ въ русской церкви. Нельзя ли показать графу Николаю Александровичу *), а также и васъ прошу сказать, кажутся ли вамъ исправленія удовлетворительными?“ **). Послѣднія слова показываютъ, что Муравьевъ книгу Руднева въ рукахъ уже имѣлъ, имѣлъ ее и митрополитъ кievскій (Филаретъ Амфитеатровъ), какъ видно изъ того же письма митрополита къ ректору Филарету: „двѣ ошибки, пишетъ онъ, указанныя въ моемъ пред-

*) Протасову, оберъ-прокурору св. Синода.

**) Письма митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву. Кіевъ. 1869. Письмо № 53. Муравьевъ къ этому письму дѣлаетъ примѣчаніе: „книга о ересьхъ и расколахъ русской церкви, пропущенная духовною цензурою трионцкой Академіи, возбудила непріятные толки нѣкоторыми выраженіями, не совсѣмъ правильными, что было непріятно Владыкѣ, и потому обратилъ онъ на нее особенное вниманіе“.

ложеніи (т. е. о раздѣленной церкви и о преданіяхъ), замѣтилъ преосвященный митрополитъ кievскій, совсѣмъ не слыхавъ, что у насъ о семъ есть дѣло“. Тутъ же митрополитъ пишетъ: „вы напрасно жалуетесь на замѣчанія: ихъ писалъ не богословъ. Если онъ трижды ошибся и указалъ одну ошибку богослововъ; стыдно богословамъ, а не ему. Лавру онъ не обижаетъ, когда говоритъ, что вы не бережете ея достоинства“ *). Здѣсь подъ названіемъ: „не богословъ“ разумѣется не иной кто, какъ А. Н. Муравьевъ, бывший въ ту пору чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. Синодѣ, и какъ извѣстно любившій горячо вмѣшиваться въ дѣла церковныя. Объ отношеніяхъ его къ митрополиту и характерѣ этихъ отношеній ясно свидѣлствуютъ письма къ нему митрополита. Муравьевъ первый поднялъ тревогу по поводу сочиненія Руднева, и митрополитъ, какъ видимъ, употребилъ всѣ мѣры, чтобы успокоить его. Неизвѣстно, до какой степени призналъ исправленія удовлетворительными Муравьевъ, только дѣло, подвергнутое такой процедурѣ, затянулось. По новому проекту исправленія оказалось нужнымъ перепечатать 18 страницъ: 31—34, 39, 40, 43, 44, 215, 216, 223, 224, 225, 226. Назначенныя къ перепечатанію страницы цензоръ Делицынъ скрѣпилъ своею подписью 17 ноября 1839 г. Книга въ исправленномъ видѣ явилась уже въ февралѣ 1840 года, и представлена митрополиту отъ конференціи съ прошеніемъ: не благоволено ли будетъ разрѣшить конференціи передать книгу правленію Академіи для распространенія. Митрополитъ положилъ (23 февраля) резолюцію: „согласенъ: потому что надобно кончить дѣло.—А когда посмотрю на книгу, продолжаю и послѣ исправленія желать, чтобы впредь издавались лучше досмотрѣнныя. Если сочиненіе

*) Письмо отъ 19 января 1839 г. въ Душепол. Чтеніи. Іюнь. 1870.

доживетъ до втораго изданія: то надобно цензоровать его вновь съ полною законною строгостію“ *). Но преміи авторъ за свой трудъ еще не получалъ. Уже въ іюлѣ 1842 года правленіе Академіи представило митрополиту, что „деньги, взятые заимообразно изъ суммъ Академіи для уплаты за напечатаніе разсужденія о ересьяхъ и расколахъ, уплачены въ Академію всѣ деньгами, вырученными отъ продажи, какъ разсужденія о ересьяхъ и расколахъ, такъ и другихъ сочиненій студентскихъ“; вслѣдствіе сего правленіе просило разрѣшенія выдать автору въ премію 35 червонцевъ, что составляло 401 руб. 85 коп. ассигнаціями. Митрополитъ изъявилъ согласіе, и деньги выданы Рудневу, бывшему тогда уже священникомъ московской Георгіевской, что въ Грузинахъ, церкви **). Такимъ образомъ дѣло, начавшееся въ 1817 году, послѣ разнаго рода задержекъ и сильныхъ тревогъ, окончилось чрезъ 25 лѣтъ, въ 1842 г.

Въ 1838 году представлены митрополиту рекомендованныя для напечатанія диссертации: Макарія Сахарова ***) „о связи грѣха съ болѣзнями и смертію“; Матвѣя Салмина „о высокомъ достоинствѣ жизни юродивыхъ Христа ради“ и іеродіакона Алексія Ржаницына изслѣдованіе „о смерти св. царевича Димитрія углицкаго“,—но всѣ эти сочиненія для печатанія не одобрены митрополитомъ.

Въ 1840 конференція одобрила, какъ достойное печати, и представила митрополиту разсужденіе Семена Поспѣлова о таинствѣ мѣропомазанія. Митрополитъ далъ такой отзывъ: „разсужденіе о таинствѣ мѣропомазанія есть сочиненіе, достойное вниманія, и, если угодно, можетъ быть напечатано ко времени испытанія. Только цензура должна

*) Дѣла акад. правл. 1839 г. № 42.—1840. № 51. Тутъ и проектъ исправленія.—Дѣла конференціи. 1838. № 13.—1839. г. № 10.

**) Скончался въ санѣ протоіерея 5-го сентября 1876 года.

***) Въ послѣдствіи преосв. Евгеній, епископъ симбирскій.

оное разсматривать, не обезпечиваясь тѣмъ, что я видѣлъ оное. Я только просмотрѣлъ, не имѣя свободнаго времени употребить цензорское вниманіе“ *).

Въ 1852 году митрополитъ писалъ къ Іосифу, епископу оренбургскому, бывшему своему викарію: „сегодня былъ на окончательномъ экзаменѣ въ Академіи. Слава Богу! На Академію нашу можно смотрѣть мирнымъ окомъ. Сегодня читали по части изъ двухъ сочиненій: о единствѣ рода человѣческаго и о третьей книгѣ Эздры. Когда сіи сочиненія дойдутъ до васъ; надѣюсь, вы признаете въ нихъ изслѣдованія основательныя и многостороннія“. **).

Съ теченіемъ времени забота студентовъ о составленіи курсовыхъ сочиненій болѣе и болѣе ослабѣвала; къ сроку, т. е. къ окончанію курса, сочиненія подавать большею частію перестали, и отлагали представленія ихъ не на одинъ даже годъ. Митрополиту это крайне не нравилось, и въ 1866 году онъ далъ такое предложеніе конференціи: „при окончаніи въ семь году академическаго учебнаго курса не могъ я оставить безъ вниманія того, что не только при предварительномъ, но и при окончательномъ испытаніи студентовъ, не было въ виду сочиненій, обыкновенно требуемыхъ отъ студентовъ для полученія степени магистра, или кандидата. Это былъ значительный недостатокъ при окончательномъ составленіи разрядныхъ списковъ. Это недостатокъ и для соображеній при назначеніи студентовъ на должности. Вслѣдствіе поздняго представленія студентами сочиненій длится разсмотрѣніе оныхъ и замедляется представленіе студентовъ къ ученымъ степенямъ. Такимъ образомъ они своимъ опаздываніемъ причиняютъ затрудненіе и начальству и самимъ себѣ. Предлагаю нынѣ и

*) Журн. 1840 г. мая 31.

**) Письмо отъ 27 іюня 1852 г. въ Чт. общ. люб. духов. просвѣщ. Сочиненія эти писаны Кудрявцевымъ и Шавровымъ.

впредь внушить студентамъ высшаго отдѣленія, чтобы сочиненія для полученія высшей ученой степени составляемы были благовременно и представляемы къ началу предварительнаго испытанія, или по крайней мѣрѣ въ продолженіе онаго“ *). Вскорѣ послѣ сего св. Синодъ предпринялъ особыя мѣры къ побужденію воспитанниковъ Академіи къ представленію курсовыхъ сочиненій; въ указѣ отъ 29 октября 1869 года изображено: „имѣя въ виду, что воспитанники с.-петербургской Академіи, окончившіе курсъ въ настоящемъ году, не смотря на всѣ настоянія со стороны академическаго начальства и побужденія къ своевременной подачѣ курсовыхъ сочиненій, не представили таковыхъ сочиненій, и что подобная неисправность допущена воспитанниками и другихъ Академій, приказали: объявить чрезъ епархіальныхъ преосвященныхъ тѣмъ изъ находящихся въ ихъ епархіяхъ воспитанникамъ духовныхъ Академій, которые по окончаніи курса не представили еще курсовыхъ сочиненій, чтобы они озаботились представленіемъ сихъ сочиненій непремѣнно къ 15 числу августа будущаго 1870 года, съ тѣмъ, что не исполнившіе сего къ указываемому сроку будутъ перемѣщены изъ Семинарій на учительскія вакансіи въ духовныя училища. Если же и послѣ того лица эти, а также и не состоящіе на духовно-училищной службѣ бывшіе воспитанники духовныхъ Академій не представятъ курсовыхъ сочиненій по крайней мѣрѣ къ 15 августа 1871 года, то будутъ утверждены въ ученыхъ степеняхъ не иначе, какъ по выдержаніи ими, при представленіи курсоваго сочиненія, новыхъ самыхъ строгихъ устныхъ испытаній въ Академіи по всѣмъ предметамъ академическаго курса“.

Въ первые четыре курса сочиненія студентовъ, оканчивающихъ курсъ, въ рукописи посылаемы въ Синодъ не

*) Журнал. 1866 г. 23 сентября.

были, а посылались только разрядные списки; нѣкоторые же изъ избранныхъ конференціею диссертаций печатались въ видѣ сборника, который ко времени окончанія курса препровождался въ комиссію духовныхъ училищъ. Въ сборникахъ этихъ, кромѣ разсужденій, печатались и проповѣди студентовъ. Но въ 1826 году комиссія духовныхъ училищъ (отъ 10 іюня) потребовала отъ академической конференціи, чтобъ „вмѣстѣ съ разрядными списками студентовъ, кончившихъ учебный курсъ, представляемы были на разсмотрѣніе комиссіи духовныхъ училищъ по двѣ или по три диссертации каждаго изъ нихъ, на латинскомъ и руссiйскомъ языкахъ, о предметахъ особенно къ православной нашей церкви относящихся и по содержанію своему заслуживающихъ названіе *собственно* ученыхъ сочиненій сего рода“. Конференція представила сочиненія, и чтеніе ихъ возложено на Григорія, архіепископа Калужскаго, который въ сентябрѣ возвратилъ часть прочитанныхъ имъ сочиненій, а остальные отправилъ въ комиссію, совѣтуя конференціи „учинить тоже самое и съ диссертациями, ей отъ него доставленными“. Такимъ образомъ сборникъ сочиненій студентическихъ въ свое время не былъ готовъ, и по этому случаю комиссія въ предписаніи правленію Академіи (отъ 6 сент. 1828 г.) изобразила: „ректору Академіи поставить на видъ допущенный имъ безпорядокъ, по коему нужныя къ напечатанію сочиненія остались неготовыми къ своему времени“. Въ 1836 году комиссія духов. училищъ относительно студентическихъ сочиненій повторила свое требованіе въ такихъ выраженіяхъ, чтобы „изъ сочиненій, пишемыхъ студентами Академіи въ продолженіи двухгодичнаго курса, лучшія отдѣляемы были для представленія комиссіи духовныхъ училищъ благовременно, и разсмотрѣніе сихъ сочиненій оканчиваемо было предъ окончаніемъ курса, и чтобъ со-

чиненія студентовъ отправляемы были въ комиссію духовныхъ училищъ вмѣстѣ съ разрядными списками немедленно послѣ публичныхъ испытаній, и не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли“. *) Чтеніе сочиненій поручаемо было нерѣдко, кромѣ членовъ св. Синода, преосвященнымъ, находившимся въ своихъ епархіяхъ. Читавшіе курсовыя сочиненія не оставляли ихъ безъ замѣчаній, иногда довольно строгихъ. Въ 1840 году читать сочиненія студентовъ, предназначенныхъ къ степени магистра, поручено было отъ св. Синода Филарету, митрополиту кievскому, Кириллу архіепископу подольскому и оберъ-священнику арміи и флотовъ В. И. Кутневичу. Преосвященный Кириллъ представилъ св. Синоду такія замѣчанія по поводу сочиненій, имъ прочитанныхъ: „сочиненій отъ оканчивающихъ курсъ студентовъ на обревизованіе присылается очень много, и при томъ сочиненія сіи бывають переписаны въ нѣсколько разныхъ рукъ и небрежно: тексты св. Писанія приводятся то по-славянски, то по-русски и не точно, безъ указанія иногда мѣстъ, откуда ихъ заимствуютъ, а свидѣтельства писателей иноязычныхъ приводятся на ихъ собственномъ языкѣ безъ русскаго перевода. Студенты не заботятся объ отдѣлкѣ своихъ сочиненій ни въ слогѣ, ни въ логической послѣдовательности мыслей: въ обвинительной части сочиненій препираются съ писателями, совсѣмъ неизвѣстными, равно и въ положительной части дѣлають ссылки на таковыхъ же писателей. Наставники при разсматриваніи студентическихъ сочиненій пропускають вышепоказанные недостатки безъ замѣчаній, и вмѣсто какихъ либо сужденій и примѣчаній на сочиненіяхъ, подписываютъ однословныя похвалы“. **) Вслѣдствіе сего отзыва св.

*) Журн. конференц. М. Д. Акад. 1836 г., мал 15.

**) Замѣчанія на студентскія сочиненія сдѣланы не самимъ Кирилломъ, а по просьбѣ его архимандритомъ Никодимомъ Казанцевымъ, какъ сви-

Синодъ предписалъ: „на будущее время поставить въ обязанность всѣмъ академическимъ конференціямъ: а) по окончаніи курсовъ въ Академіяхъ представлять установленнымъ порядкомъ никакъ не болѣе двухъ сочиненій отъ каждаго студента, и при томъ не слишкомъ обширныя по пространству и переписанныя тщательно и четко; б) подтвердить студентамъ, чтобъ они приводили тексты св. Писанія какъ ветхаго, такъ и новаго Завета только по славянской библіи, особенно въ проповѣдяхъ, съ точностію и съ указаніемъ мѣста, гдѣ они состоятъ; внутреннюю отдѣлку сочиненій своихъ доводить до возможнаго совершенства, стараясь о ясномъ выраженіи плана, распространеніи частей, очищеніи языка и логической послѣдовательности мыслей; наставникамъ предложить, чтобы они, не пропуская ошибокъ и недостатковъ студенческихъ безъ своихъ замѣчаній, излагали сужденія свои о сочиненіи по частямъ съ нѣкоторою подробностію изасвидѣтельствоваціемъ о степени познанія сочинителей“. Съ слѣдующаго курса (1842) конференція м. Академіи стала представлять въ св. Синодъ только по одному курсовому сочиненію—студентовъ, признанныхъ конференціею достойными степени магистра. Сочиненія этого курса (XIII) читали: Филаретъ, митрополитъ кіевскій, Гавріилъ, архіепископъ рязанскій, и Никаноръ, архіепископъ варшавскій; сочиненія слѣдующаго XIV курса читали: Іліодоръ, архіепископъ курскій, Венедиктъ, архіепископъ олонекскій, Гедeonъ, архіепископъ полтавскій, Иннокентій, архіепископъ харьковскій, и Аѳанасій, епископъ винницкій, ректоръ с.-петербургской Академіи.

Чтобъ указать на плоды ученыхъ занятій студентовъ

дѣлствуешь о томъ самъ Никодимъ. См. Чтен. въ моск. общ. истор. и древн. 1877 кн. 2, стр. 66.

Академіи, представляемъ перечень печатныхъ сочиненій ихъ на степень и проповѣдей въ порядкѣ курсовъ.

I курса (1818 года).

Поучительныя слова, сочиненныя и произнесенныя студентами московской духовной Академіи въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ 1816 и 1817 годовъ. М. въ Синод. типогр. 1817.—Въ этой книжкѣ напечатано десять проповѣдей: *Николая Терновскаго*—на день Воздвиженія; *Платона Доброхотова*—въ недѣлю 21 по пятидесятницѣ; *Михаила Сахарова*—въ недѣлю 24; *Матвея Доброва*—въ недѣлю 25; *Василія Алявдина*—въ недѣлю 26; *Θедора Голубинскаго*—въ недѣлю мытаря и фарисея; *Платона Доброхотова*—въ недѣлю пятую великаго поста; *Василія Капустина*—въ недѣлю Самаряныни; *Іліи Порожкова*—въ день святителя Николая; *Матвея Доброва*—въ недѣлю пятую по пятидесятницѣ.

II курса (1820 года).

Сочиненія студентовъ московской духовной Академіи втораго академическаго курса. М. въ типогр. Селивановскаго. 1820. Тутъ помѣщены семь словъ: на день Покрова Пресвятыя Богородицы (безъ означенія имени автора); *Θедора Платонова*—въ недѣлю 19 по пятидесятницѣ и еще въ недѣлю третью поста; *Николая Соловьева*—въ недѣлю Самаряныни; *Андрея Осова*—въ недѣлю 18 по пятидесятницѣ; *Василія Воскресенскаго*—на день прав. Захаріи и Елисаветы и на тезоименитство императрицы Елисаветы Алексѣевны; *Алексыя Діева*—на день Воздвиженія; *Василія Воскресенскаго*—разсужденіе на слова Апостола Павла: *мы же вси откровеннымъ лицемъ* и проч. (2 Кор. 3, 18)—„сочинено во время испытанія“; *Андрея Осова*—

размышленіе на слова: *втруай въ Сына Божія имать свѣдѣтельство въ себѣ* (1 Іоан. 5, 10)—„сочинено во время испытанія“.

III курса (1822 года).

Опыты сочиненій воспитанниковъ московской духовной Академіи, изданные по случаю испытанія, при окончаніи третьяго учебнаго курса. Москва, въ синод. типографіи. 1822. Въ этомъ сборникѣ помѣщены: 1) разсужденіе студента *Павла Платонова* о томъ, что таинство Тѣла и Крови Христовой, по точному установленію Спасителя должно сохраняться въ истинной церкви до скончанія вѣка; 2) слово въ день срътенія Господня, *Якова Платонова*; 3) слово въ недѣлю мытаря и фарисея, *Ивана Боголюбова*; 4) слово на тотъ же день—*Павла Платонова*; 5) слово въ день архистратига Михаила, *Николая Попова 2-го*; 6) слово въ недѣлю блуднаго сына, *Ивана Боголюбова*; *) 7) разборъ слова на день Воскресенія Іисуса Христа (аще кто благочестивъ), безъ означенія имени автора; 8) размышленіе на слова апостола Павла: *нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сія: больши же сихъ любви*. Сочинено въ часы испытанія студентомъ *Яковомъ Платоновымъ*.

IV курса (1824).

Опыты сочиненій воспитанниковъ м. д. Академіи, изданные по случаю испытанія, при окончаніи четвертаго учебнаго курса. Москва. Синод. тип. 1824. Тутъ напечатаны: 1) разсужденіе о поминовеніи усопшихъ, студента *іеро-*

*) Кромѣ двухъ словъ Боголюбова, напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ, существуетъ отдѣльно напечатанное его слово на кончину Елисаветы Семеновны Смольянской. М. въ синод. типогр. 1821.

діакона Макарія; 2) слово на день Іоанна Богослова, *іеродіакона Сергія*; 3) слово на день Вознесенія Господня, *іеродіакона Аѳанасія*; 4) слово въ недѣлю двадесатую, *Александра Платонова*; 5) слово въ недѣлю Мүроносиць, *Димитрія Новскаго*; 6) разсужденіе на слова: испытайте духовъ, отъ Бога ли они (1 Іоан. IV, 1), *іеродіакона Аѳанасія*; 7) разсужденіе о томъ же, *Александра Платонова*.

V курса (1826).

Нѣсколько разсужденій и поучительныхъ словъ, сочиненныхъ студентами м. д. Академіи пятаго учебнаго курса, двѣ части (1-я и 3-я; вторая же не вышла въ свѣтъ). Москва. Синод. тип. 1828—1829. Здѣсь напечатаны въ первой части: 1) разсужденіе о необходимости и важности внѣшняго богослуженія, *іеродіакона Палладія*; 2) о дѣйствительной нуждѣ и важности званія и избранія пастырей, по извѣстному чину и порядку, *Виктора Вишневскаго*; 3) о нравственныхъ и умственныхъ совершенствахъ, каковыя должны украшать пастыря церкви, *Василія Сахарова-калуужскаго*; 4) о трехъ главныхъ обязанностяхъ пастырей церкви: учить, совершать тайны и производить судъ, свойственный церковному управленію, *іеродіакона Сергія*; 5) о предварительномъ изготовленіи проповѣдей, произносимыхъ во храмѣ, *Ивана Кедрова*.—Въ третьей части: поучительныя слова: 1) въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи—*Николая Спасскаго*; 2) въ недѣлю двадесатую по пятидесятницѣ—*Федора Благонравова*; 3) на Срътеніе Господне, *Ивана Платонова-Терновскаго*; 4) въ недѣлю о Самарянинѣ—*Сергія Платонова*; 5) въ недѣлю слѣпаго, *іеродіакона Иннокентія*; 6) слово въ недѣлю двадесать вторую, *іеродіакона Палладія*; 7) на день казанскія чудотворныя иконы Пресвятыя Богороди-

цы, *Ивана Платонова-Терновскаго*; 8) въ недѣлю двадцать четвертую, *Александра Сергіевскаго*; 9) въ день святаго Николая, *Александра Александровскаго*; 10) въ недѣлю первую поста *іеродіакона Иннокентія*; 11) въ день воздвиженія честнаго креста Господня *Ивана Богоявленскаго*; 12) въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, *Ивана Богоявленскаго*; 13) въ первую недѣлю великаго поста, *Александра Сергіевскаго*; 14) въ недѣлю мытаря и фарисея, *Ивана Лисицына*; 15) въ недѣлю четвертую надесять, *Ивана Лисицына*.

VI курса (1828).

Разсужденіе объ основномъ началѣ христіанской дѣятельности, сочиненное студентомъ *іеродіакономъ Евграфомъ*. М. С. тип. 1828.

VII курса (1830).

Объ обѣтѣ Іефоя, *Александра Нечаева*. М. Син. т. 1830.

VIII курса (1832).

О достоинствѣ человѣка, раскрытомъ и утвержденномъ христіанскою религіею, *Тимофея Успенскаго* *). М. Син. тип. 1832.

IX курса (1834).

Взглядъ на исторію россійской церкви, *іеродіакона Платона* **). М. Син. тип. 1834.

О подражаніи языческихъ философовъ христіанамъ первыхъ вѣковъ, *Василія Соколова*. М. Син. тип. 1834.

*) Нынѣ митрополитъ кіевскій Филаретъ.

**) Покойный архіепископъ костромскій.

Историческое разсужденіе о постахъ православной, восточной католической церкви, *іеромонаха Алексія* (Соловьева). М. Син. тип. 1837.

X курса (1836).

О ересьяхъ и расколахъ въ россійской церкви, *Николая Руднева*. М. Син. тип. 1838.

Ученіе отцевъ церкви трехъ первыхъ вѣковъ христіанства о божествѣ Сына Божія, *Авванасія Ефимовскаго*. М. Син. тип. 1837.

О томъ, что Эммануиль, о которомъ говоритъ пророкъ Ісаія въ гл. VII ст. 14, есть Мессія Іисусъ, *Александра Терновскаго*. М. Син. тип. 1836.

О важности положительныхъ средствъ, предлагаемыхъ православною христіанскою церковію для спасенія всѣхъ и каждаго, *Андрея Іорданскаго*. М. Син. тип. 1836.

XI курса (1838).

Объ участіи злыхъ духовъ въ грѣхонаденіяхъ человѣческихъ, *Федора Флоринскаго*. М. тип. Семена. 1838.

О томъ, что владыка Израилевъ, о которомъ говоритъ пророкъ Михей въ гл. 5 ст. 2. есть Мессія Іисусъ, *Александра Никольскаго*. М. тип. Семена. 1838.

Объ эпитиміяхъ, *Герасима Никитинкова*. М. Син. тип. 1838.

О праздникахъ, совершаемыхъ въ честь Пресвятыя Богородицы, *Алексѣя Мухина*. М. Син. тип. 1838.

Св. Амвросій медіоланскій, *Ефима Алексинскаго* (Пр. Обзор. 1861. № 4, 5).

XII курса (1840).

О важности христіанскихъ путешествій ко святымъ мѣстамъ, *Алексѣя Зерганинова*. М. тип. Семена. 1840.

О таинствѣ Мѣропомазанія, *Семена Постылова*. М. тип. Семена. 1840.

О праздникахъ Вознесенія Господня и пятидесятницы, *Андрея Бѣляева* (въ приб. къ твор. св. Отецъ 1857 и 1858 г.).

XIII курса (1842).

О крестныхъ ходахъ православной церкви, *Ивана Анничкова*. М. тип. Семена. 1842.

О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ, *Дмитрія Левинскаго*. М. тип. Семена. 1842.

Примѣры благочестія среди соблазновъ, или поведеніе древнихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ, *Макарія Мироточива* *). Спб. 1857.

Жизнь св. Филиппа митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца, *Льва (Леопида) Гринецкаго* **). (Душен. Чт. 1861 г. т. 2).

XIV курса (1844).

Изъясненіе пророчества Исаіи объ избранномъ отроцѣ Іеговы, *Ипполита Богословскаго-Платонова* (отрывокъ изъ разсужденія въ приб. къ творен. св. Отецъ 1850 года).

Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и церкви Его въ ветхомъ Заветѣ (о ветхозавѣтныхъ проображеніяхъ), *Сергія Смирнова*. Москва въ Унив. тип. 1852.

Преосвященный Тихонъ, 1-й епископъ воронежскій и елецкій, *Алексія Ключарева* ***). М. тип. Семена. 1844.

О поминаеніи усопшихъ, *іеромонаха Сергія* (Ляпидевскаго) ****). М. тип. Семена. 1844.

*) Нынѣ епископъ архангельскій.

**) Покойный архіепископъ ярославскій.

***) Нынѣ епис. дмитровскій, викарій московскій (Амвросій).

****) Нынѣ епископъ курскій.

О домашнемъ употребленіи слова божія у христіанъ первыхъ вѣговъ, *Дмитрія Кастальскаго* (Душ. Чтен. 1876. Іюль и августъ).

О таинствѣ покаянія, *Якова Бурлауцкаго*. М. 1848.

Христіанскія вечера любви, *Дмитрія Прилуцкаго* (Духъ Христіанина. 1865. Мартъ и апрѣль).

О трехъ обѣтахъ монашества, *іером. Амфилохія*. М. 1845.

XV курса (1846).

О христіанскомъ мученичествѣ, *Михаила Тихонравова*. М. тип. Семена. 1846.

Исторія флорентійскаго собора, *Ивана Остроумова*. М. тип. Семена. 1847.

О призваніи святыхъ, *Павла Суворова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1856).

XVI курса (1848).

Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, *Василія Нечаева*. М. тип. Готье. 1849.

Благотворное вліяніе древняго православнаго монашества на общество, *Семена Вишнякова* (Душ. Чт. 1860. Іюнь, іюль и декабрь. Миссіонеръ 1874 г.).

Св. Левъ, папа римскій, *Петра Деллигана*. М. тип. Готье. 1849.

Николай Мистикъ, патріархъ константинопольскій, *Николая Волкова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1861 г.).

XVII курса (1850).

О литургіи преждеосвященныхъ даровъ, *Григорія Смирнова-Платонова*. М. тип. Готье. 1850.

О загробной жизни, *Григорія Быстрицкаго*. М. 1859.

XVIII курса (1852).

О единствѣ рода человѣческаго, *Виктора Кудрявцева-Платонова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1852 года).

О третьей книгѣ Ездры, *Михаила Шаврова*. Спб. 1861.

Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV вѣка, *Николая Субботина* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1858 года).

Почтеніе древнихъ христіанъ къ святымъ храмамъ, *Дмитрія Рождественскаго* (Душеп. Чтен. 1862, июль).

О домашнемъ состояніи древнихъ пастырей церкви, *Василия Гаретовскаго* (Рязанск. епарх. вѣдом. 1867—69).

XIX курса (1854).

Обѣтованія и пророчества о Христѣ въ пятокнижии Моисеевомъ, *Александра Лаврова-Платонова**) (часть разсужденія въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ 1856 года).

Патріархъ Фотій, *Филарета Сергіевскаго* (часть сочиненія въ приб. къ Творен. св. Отцевъ 1854 года).

О крещеніи чрезъ погруженіе и обливаніе. *іеромонаха Михаила***) (въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ 1855 года).

Состояніе православной церкви въ имперіи греческой во время владычества латинянъ въ Константинополѣ, *Петра Смирнова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1857 г.).

О дѣйствіяхъ древнихъ пастырей церкви во времена общественныхъ бѣдствій, *Алексія Никольскаго* (Чтен. общ. любит. дух. просвѣщ. 1868, кн. 5).

Номоканонъ патріарха Фотія, *Павла Корсунскаго* (Дух. Вѣстн. 1866. Июнь, июль).

XX курса (1856).

О поведеніи древнихъ христіанъ въ дни воскресные и праздничные, *Николая Сергіевскаго****). М. т. Готье. 1856.

О нравственномъ достоинствѣ гражданскихъ законовъ Моисеевыхъ, *Амфіана Лебедева*. Москва. 1856.

*) Нынѣ епископъ Можайскій (Алексій).

**) Нынѣ епископъ уманскій, викарій кievскій.

***) Нынѣ попечитель вилenskaго учебнаго округа, тайный совѣтникъ.

Дѣятельность пастырей церкви IV вѣка по отношенію къ общественной жизни, *іеромонаха Хрисанова Ретивцева* *) (Прав. Собесѣдн. 1860 г. I.).

О вѣчности мученій, *Константина Троицкаго* (въ приб. къ Тв. св. Отцевъ 1856 г.).

О крещеніи младенцевъ, *Дмитрія Ковалева* (Въ приб. къ Тв. св. Отцевъ 1857 года).

Св. Меѳодій, епископъ патарскій, *Сергѣя Модестова* (въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ 1857 года).

Русскіе выходцы изъ заграничныхъ школъ въ XVII вѣкѣ: Палладій Роговскій, Петръ Артемьевъ, Григорій Скобинскій, *Мирона Никольскаго* (Прав. Обзор. 1862, № 11. 1863, №№ 2 и 3).

XXI курса (1858).

О книгѣ св. пророка Даниїла, *Василія Потапова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ за 1871 г.).

Исторія тридентскаго собора, *Павла Горскаго-Платонова* (Чтен. въ общ. любит. дух. просвѣщенія, кн. V, 1868 и VI, 1869).

Объ антихристѣ, *Михаила Сабурова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1858 г.).

Учрежденіе патріаршества въ Россіи въ 1589 году, *Николая Соколова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1859 года).

Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ, *Евгенія Голубинскаго* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1859 года).

Обзоръ опредѣленій константинопольскаго патріаршаго собора по вопросамъ теогности, епископа сарайскаго, 1301 г.—Опредѣленія владимірскаго собора 1274 года.—Опредѣленія московскаго собора 1503 г.—Опредѣленія ви-

*) Нынѣ епископъ нижегородскій.

ленскаго собора 1509 г.—О церковноканоническихъ правилахъ древнихъ русскихъ митрополитовъ. *Михаила Крастина* (Прав. Собесѣдн. 1863, т. 1, 2, 3. 1864, т. 3).

О праздникахъ въ честь святыхъ угодниковъ божіихъ, *Александра Рождественскаго* (въ Чтен. общ. люб. д. просв. кн. X, 1870 г.).

О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи, *Ивана Смирнова* (Чтен. въ моск. общ. истор. и древн. російск. 1865, кн. 1).

XXII курса (1860).

О трудахъ Оригена въ изъясненіи новозавѣтныхъ книгъ св. Писанія, *Петра Хупотскаго* (въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ за 1861 г.—только часть сочиненія).

О греческой церкви въ Италіи до подавленія ея латинствомъ, *Исана Смирнова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1860 года).

Іосифъ Флавій, *Парвенія Репловскаго* (Прав. Обзор. 1861, №№ 9 и 10).

О бракѣ клириковъ въ восточной и безбрачїи ихъ въ западной церкви, *Федора Толерова* (Рязанск. Еп. Вѣд. 1866 года).

XXIII курса (1862).

Протестантское богословіе и вопросъ о богодухновенности св. Писанія, *Александра Воронова* (Труд. кievск. д. Акад. 1864 г. май и сентябрь).

Мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ рязанскій, Стефанъ яворскій и Дмитрій Тверитиновъ, *Филиппа Терновскаго* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ 1862 г. Труд. кiev. д. Акад. 1864, № 1, 3, 7).

Соборъ бывшій въ Москвѣ при патріархѣ Филаретѣ въ 1620 г. и его опредѣленія.—Опредѣленія московскаго собора 1666—7 гг.—Опредѣленія московскаго собора 1675 г. *Александра Гренкова* (Прав. Соб. 1863 г., т. 2, 3. 1864, т. 1).

О принятіи неправославныхъ христіанъ въ православную церковь. Историко-каноническое изслѣдованіе противъ безпоповцевъ, *Александра Серафимова* (Труд. кievск. д. Акад. 1864 г. августъ. 1867, апрѣль).

Состояніе просвѣщенія у палестинскихъ іудеевъ въ послѣдніе три вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ, *Николая Анилинскаго* (Тр. кievск. д. Акад. 1865, сентябрь).

О внутреннихъ миссіяхъ у протестантовъ. *Михаила Дрекслера* (Духъ Христіанина 1863—4 г. февраль и май).

О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія, *А. Рязскаго* (Правосл. Обзор. 1866, №№ 9, 10, 11).

XXIV курса (1864).

Объ Ессеяхъ въ отношеніи къ христіанству, *Александра Смирнова* (въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ за 1871 годъ).

Объ историческомъ значеніи книгъ малыхъ пророковъ. *Петра Казанскаго* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ за 1872 г.).

Петръ Могила, митрополитъ кievскій, *Сергѣя Рождественскаго* (въ Чтен. моск. общ. истор. и древн. 1877 г. кн. 1).

Арсеній Сухановъ, *А. Ржевскаго* (Прав. Обзор. 1867, №№ 9, 10, 11, 12).

XXV курса (1866).

Цельсъ и его свидѣтельство въ пользу подлинности и достовѣрности нашихъ каноническихъ Евангелій, *Михаила Розова* (Чтен. въ общ. люб. д. просв. 1874 г. августъ, ноябрь, декабрь).

Законы греческихъ императоровъ въ отношеніи къ церкви послѣ Юстиніана, *Александра Тяжслова* (Чтен. общ. люб. дух. просвѣщ. 1875 г. октябрь).

Историческій очеркъ единовѣрія, *Михаила Семснoвскаго*. Спб. 1867.

Очеркъ исторіи единовѣрія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Раскольничьи стихотворенія противъ единовѣрія, *Николая Копьева* (часть сочиненія. Пр. Обзор. 1867, № 12; Чтен. моск. общ. люб. дух. просвѣщ. 1875. Августъ—окт.).

Проповѣдническая противо-протестантская литература на Руси въ первой половинѣ XVIII вѣка, *Дмитрія Изъкова* (Прав. Обзор. 1871 г. т. 1 и 2. 1872 г. т. 2).

Большой московскій соборъ 1666—1667 г. *Василія Богословскаго* (Прав. Обзор. 1871, т. 1 и 2).

XXVI курса (1868).

Разборъ мнѣнія Ф. Х. Баура о происхожденіи и характерѣ Евангелія отъ Марка, *Николая Елеонскаго* (въ Чтен. общ. люб. дух. просв. за 1873 годъ. Мартъ, іюнь, декабрь).

Обозрѣніе апологетическихъ трудовъ Отцевъ и учителей церкви въ IV и V вѣкахъ, *Петра Петикова* (въ приб. къ Твор. св. Отцевъ за 1872 годъ и въ Чт. общ. люб. д. просв. 1875 г., апрѣль).

Православное критико-экзегетическое изслѣдованіе о Евангеліи отъ Луки противъ Ф. Х. Баура, *Андрея Полотебнова* (въ Чт. общ. люб. д. просв. 1873, кн. 1 и слѣд.).

Средневѣковые папы и ихъ положеніе въ церкви и государствѣ, (часть курсоваго сочиненія) *Николая Бяляева* (Чт. общ. люб. дух. просв. 1872. Мартъ и слѣд.).

О Евангеліи отъ Матѳея. Опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура, *Владимира Маркова* (Прав. Обзор. 1873 г., январь—ноябрь).

Отношеніе государственной власти къ церкви и духовенству въ царствованіе Екатерины II, *Василія Виликова* (въ Чт. общ. люб. д. просв. за 1874 и 1875 годъ).

Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ. Опытъ обзора отрицательныхъ воззрѣній Баура на апостольскую исторію, (часть сочиненія) *Николая Комарова* (Прав. Обзор. 1872 г. Іюнь—сентябрь).

XXVII курса (1870).

Превосходство откровеннаго ученія о твореніи предъ всѣми другими объясненіями, *Алексыя Лебедева*. Сочиненіе это напечатано по частямъ подъ слѣдующими заглавіями: „Имѣла ли языческая древность истинныя понятія о происхожденіи міра?—Опытъ философско-богословскаго и естественно-научнаго толкованія библейскаго догмата о твореніи міра.—Выводы матеріализма въ вопросѣ о происхожденіи міра предъ судомъ строго-научнаго естествознанія.—Принципы матеріалистическаго міровоззрѣнія новейшаго времени.—Ученіе Дарвина о происхожденіи міра органическаго и человѣка“ (Чтен. моск. общ. люб. д. просв. 1873, ч. 1. 2. 1874, ч. 1. 2. Приб. къ Твор. св. Отц. за 1872 годъ. Русск. Вѣстн. 1873, іюль и августъ).

Филаретъ Никитичъ, святѣйшій патріархъ московскій и всея Россіи. *Андрея Смирнова* (въ Чт. общ. люб. д. просв. за 1873 и 1874 годы и потомъ отдѣльною книгою).

Іоаннъ Кальвинъ, реформаторъ XVI вѣка. *Сергея Назаревскаго* (Правосл. Обзор. 1878 май—іюнь и слѣд. книги).

Историческое обозрѣніе дѣятельности русскаго духовенства въ отношеніи къ расколу со времени его появленія до учрежденія св. Синода, *Алексыя Чистякова* (Бурск. еп. вѣд. 1874 и 1875 год.).

Очеркъ исторіи Моравскихъ братьевъ со времени сближенія ихъ съ протестантами и внутреннее устройство ихъ общины до преобразованія ея въ геригутерство, *Александра Транкзиллитатина* (Православн. Обзорѣніе 1873 г. часть 1).

Жизнь и дѣятельность святаго пророка Іезекиіля, *Θεοδора Павловскаго-Михайлова* (Чтенія въ общ. любит. дух. просвѣщ. 1878. Февраль и слѣд. книжки).